

Идущие на смерть

Автор:

[Михаил Михеев](#)

Идущие на смерть

Михаил Александрович Михеев

Space quest #2 Современный фантастический боевик (АСТ)

Когда на планету в испанском секторе космоса нападает неведомый враг, находятся те, кто будет сражаться до конца, чтобы его остановить. Находятся и те, кто готов прогнуться перед кем угодно, чтобы сохранить жизнь. А еще есть люди, которые живут по соседству и не боятся никакого врага, потому что за их спиной великая империя. Однако, чтобы противостоять угрозе, надо знать, откуда она исходит...

Командир малого рейдера старший лейтенант Костин получает задание исследовать захваченную систему и понять, кто посмел бросить вызов человечеству. Это сложно и опасно, однако для русского офицера есть слова «приказ» и «честь», но нет слова «невозможно». И если потребуется, то ради своей Родины он будет сражаться и в космосе, и на Земле. Особенно если рядом окажутся те, кому можно доверить спину.

Итак, корабль заправлен, скафандр надет. Вперед!

Михаил Михеев

Идущие на смерть

© Михаил Михеев, 2018

* * *

Мы к планете приближались, нас ловили на прицел.

А в наушниках смеялись: «Улетай, покуда цел!»

Но насмешки не спасают, есть приказ, проложен курс...

А исход войны решает человеческий ресурс.

Алькор. Рейд

Испанский сектор. Планета Малая Севилья

Тяжелый крейсер «Конкистадор» дрейфовал на орбите планеты Малая Севилья уже больше трех лет. Для боевого корабля, чье призвание – бороздить просторы космоса, такое времяпровождение обычно несвойственно, но у каждого своя удача. Конкретно этому крейсеру не повезло.

Пятнадцать лет назад «Конкистадор» сошел со стапелей Королевских верфей Нового Мадрида и должен был стать родоначальником целой серии кораблей. Их Испания планировала строить и для себя, и, с некоторыми изменениями, на экспорт, но вмешалась специфика менталитета. Испанцы всегда славились неважным качеством работы, высокими ценами и медлительностью. Инженеры у них были неплохие, но, увы, коррупция разъедала страну даже страшнее, чем дурацкие европейские законы, расплодившиеся сверх всякой меры, и это обстоятельство вынесло кораблю приговор. Кто-то в верхах посчитал деньги, стукнул кулаком по столу и просто закупил у Альянса десяток аналогичных кораблей, что вышло в полтора раза дешевле и впятеро быстрее.

«Конкистадор» оказался единственным кораблем серии, и это предрешило его судьбу. Значительная часть оборудования являлась уникальной, и то, что годилось для серии, абсолютно не подходило одиночному крейсеру. Если каждая форсунка делается по спецзаказу, то содержать его становится чересчур дорого. Золотой корабль получается. Неудивительно, что, когда его двигатели выработали первичный ресурс, то вместо капитального ремонта и

модернизации крейсер перегнали на орбиту периферийной планеты и подвесили здесь в качестве орбитальной крепости.

Получилось так себе, все же крейсер, пускай и тяжелый, в качестве стационарного узла обороны не самая подходящая платформа, однако в тот момент всех это устроило. Военных потому, что они избавлялись от лишней головной боли, правительство – из-за экономии, а администрация планеты радовалась, что получила хоть какое-то прикрытие, способное держать на расстоянии безмерно расплодившихся и обнаглевших пиратов. Строительство нормальной крепости началось бы не раньше чем через пять лет, и возиться с ним будут неизвестно сколько, а тут корабль хоть и не самый мощный, но для пиратов смертельно опасный. Учитывая, что они моментально перестали появляться в окрестностях Малой Севильи, решение оказалось вполне жизнеспособным. Конечно, изначально такой расклад считался временной мерой, вот только временное – оно самое постоянное, и это справедливо не только для известных своим пофигизмом русских, но и для всех остальных.

Сейчас в рубке «Конкистадора» горел мягкий, приглушенный свет, создающий почти интимную атмосферу. На вахте находился только второй штурман, лейтенант Мартинес. Это, конечно, нарушение устава, в рубке постоянно должны присутствовать как минимум трое офицеров, но, во-первых, корабль был не в походе, во-вторых, с дисциплиной у испанцев дело вообще обстояло паршивенько, а в-третьих, все расслабились за время несения необременительной охранной службы. Часть экипажа и вовсе пребывала на планете, благо кто-то завел здесь любовницу, а кто-то и жениться успел. Для местных, конечно, предпочтительнее был второй вариант, но и первый выглядел приемлемо – рождаемость на заселенной менее полувека назад планете оказалась низкая, чего-то на ней людям, несмотря на хороший климат, не хватало, и ученые никак не могли понять, почему. Вдобавок, на каждого родившегося мальчика приходилось три-четыре девочки, что создавало изрядные проблемы, а полигамию церковь традиционно не одобряла. Вот и радовались местные барышни заезжим молодцам.

Командир крейсера аккуратно открыл дверь, неслышным шагом вошел в рубку. Ну да, так и есть, видны только босые ноги, вопреки правилам приличия расположившиеся прямо на пульте. Пускай сейчас панель управления заблокирована, это дела не меняет. Нельзя, и все тут, устав не для того написан, чтобы на него плевать.

Еще капитану второго ранга Мигелю Карраско были видны не по уставу длинные каштановые волосы, опущенные чуть не до плеч, и планшет, судя по всему, с какой-то сентиментальной книгой. Любовь Мартинес к подобной литературе уже давно стала поводом для беззлобных смешков. Конечно, читать на вахте не по уставу, но, с другой стороны, чем еще заниматься-то? Все равно корабль с орбиты никуда не денется, контроль пространства ведется автоматически, а вахтенный офицер находится в рубке, скорее, по традиции. Ну и так, на всякий случай – все же автоматика, сколь бы она ни была совершенна, может иной раз подкинуть сюрприз.

– Кхе-кхе, – капитан деликатно кашлянул в кулак.

– Ой!

Скорость, которую придали лейтенанту эти нехитрые звуки, вызвала на лице Карраско улыбку. Ее он, правда, тут же спрятал – нечего показывать подчиненным, что ты готов смотреть на их нарушения сквозь пальцы. Вместо улыбки опустив ставшую за годы службы привычной маску бесстрастности, он наблюдал, как лейтенант выбирается из кресла и вытягивается в струнку. А когда это нехитрое действие закончилось, одними губами произнес:

– Ботинки.

Лицо лейтенанта стало красным настолько, что капитан даже испугался пожара. Стараясь не рассмеяться, он спросил:

– Все в порядке?

– Т-так точно, – голос лейтенанта дрожал.

– Ну, тогда спокойной вахты, – и капитан вышел из рубки.

Рассмеяться он себе позволил, только закрывшись в собственной каюте. Нет, вот бы никогда не подумал, что дойдет до такого. А ведь вначале все было вроде бы нормально, тем более, Каталина, только появившись на корабле, произвела совсем иное впечатление. Ну да, лейтенант Мартинес была женщиной, точнее, девушкой двадцати трех лет от роду и отъявленной феминисткой, вбившей в

голову, что она не то что не хуже – круче мужчин. И на основании этой дурацкой идеи подавшей заявление в военное училище.

Нет, женщины в испанском флоте, конечно, встречались, но, как правило, во вспомогательных подразделениях. В офицерские училища Королевского военно-космического флота их все же старались не брать. Но Каталина, будучи девушкой упорной и математическими талантами не обделенной, смогла поступить благодаря выделяемой согласно законам Европейской Ассоциации квоте и каким-то образом не отсеялась за годы учебы. А когда она полгода назад училище закончила, возник закономерный вопрос, что же с ней делать. Определить при штабе каком-нибудь – так она на штурмана училась и требует службу в соответствии с военно-учетной специальностью, а посылать на боевой корабль... В общем, штабные гении тихо сходили с ума, пока какая-то светлая голова не родила идею, и строптивного лейтенанта спихнули на «Конкистадор». А что, на корабле один-единственный штурман – сам Карраско, и то, что крейсер висит на орбите без шансов с нее уйти, никого не волнует. Есть должность в штатном расписании – получите.

На новом месте лейтенант вначале пыталась задирать нос, но очень скоро выяснилось, что, во-первых, здесь все не только старше ее по возрасту, но превосходят и опытом. Любой матрос знал о космосе больше Каталины, так что ее потуги выглядели смешно. Во-вторых же, оказалось вдруг, что сколько ни ходи в спортзал, таких бицепсов, как у мужчин, все равно не накачаешь. И, в довершение всего, девчонка без памяти втюрилась в своего командира, обремененного, кстати, женой и тремя детьми, ждущими его на Севилье Дальней. Как считала Каталина, влюблена она была тайно, что при ее неопытности выглядело даже простительно. В результате сложилась ситуация, вызывающая у Карраско озабоченность пополам со смехом, у девушки томные вздохи и, периодически, слезы, а всей остальной команде дающая возможность позубоскалить втихую над ситуациями, подобными той, что случилась сегодня.

Отсмеявшись, Карраско открыл шкаф, извлек бутылку хереса и бокал. Конечно, в полете вроде бы и нельзя, но все и всегда нарушают, здесь же, когда главный враг дикая скука, и вовсе сам Бог велел наплевать на такие мелочи. Пригубил, покатал во рту... А может, ну его? Все равно же, когда спускается на планету, в маленьких мужских удовольствиях он себе не отказывает. Наплевать на все, пригласить Каталину – ручаться можно, придет с радостью. Мысль показалась настолько соблазнительной, что отогнать ее стоило немалых трудов и получилось только благодаря целому списку проблем, которые могли

возникнуть. Примеров из жизни, кстати, хватало, хотя и примеров обратного тоже. Вот только не успел он допить бокал, как ожила громкая связь.

– Капитана просят прийти в рубку!

Ну, вот и она, легка на помине, безо всякого раздражения подумал Карраско, опрокинул в рот остатки вина и быстрым шагом вышел из каюты. Если после случившегося сегодня Мартинес его вызвала, да еще и через считанные минуты, значит, ситуация и впрямь требует его вмешательства. Быстрым шагом преодолев отделяющее его от рубки расстояние, всего-то двадцать метров, он вошел внутрь и с удивлением обнаружил, что здесь уже собрались все, кому положено и не положено.

Помимо Каталины, на сей раз не только в ботинках, но и с собранными в хвост, чтобы не мешали, волосами, в рубке обнаружили старший артиллерист и его помощник, второй пилот, двое механиков и даже командир десантной группы. Словом, весь офицерский состав крейсера, который сейчас находился на борту, а не прохлаждался на планете. Обернулись на него – и снова уставились в свои экраны. Значит, и впрямь что-то не так, раз на устав забили вовсе. Карраско подошел к своему месту, щелкнул кнопкой, включая экран... Оба-на, приплыли!

Информация с радаров дальнего обнаружения шла широкой рекой, и командир корабля хорошо видел, как из гиперпространства один за другим выходят корабли. Некоторые компьютер корабля опознавал, другие, и их оказалось большинство, нет, но массогабаритные характеристики можно было оценить достаточно четко. Две волны: первая – легкие корабли, от корвета до легкого крейсера, вторая – транспорты, причем здоровенные. Классическое вторжение, только почему-то штурмовых кораблей не наблюдается. Хотя, если учесть, что планетарная оборона у Малой Севильи отсутствует, как класс, а орбитальная представлена их крейсером, то хватит и этих. Собравшись толпой, заклевать можно кого угодно.

– Боевая тревога, – совершенно ровным, спокойным голосом сказал Карраско и, прищурив глаза, будто это могло ему помочь, всмотрелся в бегущие по экрану символы. Те корабли, которые компьютер опознавал, ничего не говорили – барахло, древность. На вторичном рынке такие продаются и перепродаются не раз, причем кому угодно, лишь бы купили. Потому, небось, большинство и не опознавались – их часто модернизируют, совершенно бессистемно и порой варварски. Он как-то раз сам лично наблюдал гибрид из двух эсминцев. Один разрезали пополам и приварили ко второму, получив корпус двойной длины. Ни

к чему хорошему из-за нарушения силовых каркасов это, разумеется, не привело, но пример весьма показательный, так что встретить здесь и сейчас можно любую пакость.

– Что они делают! – выдохнул пилот, буквально расплющивший нос о свой экран. – Их же сейчас...

Договорить он не успел. Один из кораблей, только-только появившийся на экране, внезапно замерцал и исчез в гравитационной воронке. Все правильно. Выход слишком близко от звезды, то есть массивного объекта, весьма опасен. Гравитация нарушает структуру канала гиперперехода, и неосторожный капитан рискует оказаться размазанным по космосу вместе со своим кораблем. Но зато, в случае удачного выхода, можно оказаться близко к цели и идти к ней не много часов, а считанные минуты. Те, кто вломился в систему Малой Севильи, прекрасно это понимали и сознательно шли на риск. Кто бы это ни был, в храбрости им отказать нельзя.

– Лейтенант Мартинес, передайте стандартный запрос. Не ответят, конечно, но формальности соблюдать стоит. Что рты разинули? По местам. Похоже, сейчас мы будем драться.

Половину народа будто ветром сдуло. Все правильно, драка будет знатная. Кто бы ни атаковал Малую Севилью, мимо крейсера ему не пройти. «Конкистадор» хоть и не самый современный корабль испанского флота, но вполне способен снести и десантные модули, и неуклюжие транспорты, которые их выпускают. А раз так, самым логичным действием является вначале подавить его артиллерию, а затем взять на abordаж или расстрелять. На месте противника Карраско выбрал бы первый вариант. Крейсер на вторичном рынке запросто не купишь, и для врага, кем бы он ни был, такой корабль – ценный приз. Хотя всякое может случиться, тут не угадаешь.

На запрос чужие корабли предсказуемо не ответили, зато начали очень сноровисто перестраиваться в атакующий ордер. К этой минуте число погибших в момент выхода достигло шести кораблей, но в системе уже находилось вдесятеро больше. Карраско вздохнул. Обидно, ведь еще есть шансы уйти. Выработавшие ресурс двигатели – это далеко не обязательно неисправные, просто они могут выйти из строя. А могут и не выйти. С учетом того, что производители всегда перестраховываются и закладывают сверхнормативный запас прочности, «Конкистадор» еще вполне может рвануть отсюда прочь.

Попади в такую ситуацию вояки Альянса, они, можно не сомневаться, так и поступили бы. В практически безнадежный бой, когда шансов выжить убегающе мало, их калачом не заманишь. Нет, среди них есть герои, есть реально готовые сражаться и умирать солдаты, но большая часть армии Альянса давно уже превратилась в сброд, где белый сахиб-офицер командует неграми, малайцами и прочими латиносами. Такие больше заинтересованы в спасении собственной шкуры, чем в защите других людей.

В Европейской Ассоциации дело обстояло несколько иначе. Все же, несмотря на века толерантности, уже давно заставляющие многие страны балансировать на самой кромке существования, когда-то все они создавались в бою, через кровь и боль. Соответственно, и военные традиции у них были иными, нежели в Альянсе, и понятие о чести, хотя этот вопрос и не принято было поднимать в считающемся приличным обществе, никуда не делось. Если бы их, в соответствии с дурацкими правилами Европейской Ассоциации, послали охранять колонию, например, Люксембурга или Литвы, еще можно было бы поискать варианты, но «Конкистадор» защищал испанскую планету. Поэтому перед Карраско вопрос, что он предпочтет, жизнь или честь, даже не стоял.

– Эй, в машинном! – он надеялся, что голос звучит бесстрастно. – В машинном! Вы что там, спите?

– Слушаю, слушаю, – раздался в ответ чуть сварливый голос. – И не надо так орать.

Старший механик крейсера, капитан третьего ранга Гонсалес, не имел с рождения солидного счета в банке, влиятельных родственников и прочих атрибутов успешного человека. Начинал с низов и чин свой выслужил благодаря таланту и трудолюбию. Лучшего механика сложно было и желать, хотя, как и многие сделавшие себя сами, Гонсалес имел преувеличенное мнение о своей персоне. Впрочем, с этим можно было мириться, и Карраско привычно пропустил его слова мимо ушей.

– Какую мощность можете выдать?

– Я всегда могу гарантировать сто процентов. И чуть-чуть больше, если ненадолго.

– Долго мы и не проживем, – почти неслышно пробормотал себе под нос командир, а вслух сказал: – Благодарю. Постарайтесь выжать все, что сможете, – и, повернувшись к пилоту, уже гоняющему в тестовом режиме свои приборы, приказал: – Мигель, как только скомандую, атакуешь транспорты.

– Но...

– Никаких «но». Все равно нас задавят. А так, если успеем проредить эти шаланды, то облегчим жизнь тем, кто внизу. Поэтому прорываемся, сразу они защиту не пробьют, и бьем по транспортам. Ясно?

– Так точно.

– Ну и замечательно.

– Командир...

– Чего тебе, Каталина?

Щеки у девушки вспыхнули. С чего это? Ах, да, он в первый раз назвал ее на ты и по имени. Но справилась с эмоциями, похвально, обстановка романтике не способствует.

– Но разве внизу есть армия?

– Нет. Только наши отпускники и местная полиция, она же таможня. Всего около полутысячи стволов, а что?

– Они же не смогу остановить девант!

– Зато они уже сейчас организуют местных. Это фронтир, девочка, здесь у каждого уважающего себя мужчины дома небольшой арсенал, да и многие женщины смогут достать из-под кровати что-то посущественнее скалки. А два миллиона стволов – это уже немало. Я ответил на вопрос?

– Да...

– Ну, тогда займи место согласно боевому расписанию и не путайся под ногами. Канониры, не спим. Вперед!

Момент оказался крайне удачным. Противник еще не закончил построение, но был к этому максимально близок. В такой ситуации корабли не только не могут действовать слаженно, но и начинают серьезно мешать друг другу.

Неудивительно, что крейсер, разгоняясь намного быстрее, чем от такой громадины можно было ожидать, прошел сквозь строй вражеских кораблей не хуже раскаленной иглы, брошенной в масло.

Вспыхнул и замерцал силовой кокон, били по «Конкистадору» из всего, что могло стрелять, но особого толку в этом не было. Сосредоточенный залп эскадры погасил бы поле без особых проблем, благо по суммарной мощи превосходил испанский корабль как минимум впятеро, но разрозненные выстрелы, несмотря на частоту попаданий, растянули энергетический шквал во времени. Неудивительно, что защита ни разу не нагрузилась свыше восьмидесяти процентов, что было неприятно, но далеко не смертельно.

Канониры испанского крейсера оказались несколько удачливее. В момент прорыва корабль успел дать всего два залпа, и оба они достигли цели. Первую, к сожалению, выбрали не совсем достойную столь полноценного внимания. Корвет, правда, судя по данным сканера, почти новый, но все равно мелочь. Его разнесло в мелкую пыль, и экипаж корабля даже не успел почувствовать, что умер. Зато второй клиент оказался куда солиднее. Старый, но капитально модернизированный эсминец, закутавшийся в усиленный защитный кокон. Разваливался на куски он эффектно, не хуже, чем в каком-нибудь пошлом боевике. Со вспышками, вырывающимися из разрушенных отсеков воздушными, а порой и огненными фонтанами, раскидывая во все стороны обломки. Краем сознания Карраско отметил, что запись всего происходящего ведется, и, если удастся каким-то чудом выбраться отсюда, то только на этом эпизоде можно сказочно озолотиться. Если, конечно, знать, кому толкнуть информацию.

Однако в этот момент время для размышлений резко закончилось, потому что крейсер, прорвавшись сквозь на глазах рассыпающееся построение врага, буквально врезался в сгрудившиеся беспорядочной кучей транспортные корабли. Следующие несколько минут «Конкистадор» демонстрировал то, для чего он некогда создавался. За то короткое время, которое потребовался боевым кораблям противника, чтобы развернуться, крейсер выбил не менее половины транспортов. Более всего это напоминало действия угодившего в овчарню волка,

который, обезумев от крови, режет всех подряд. Будь у Карраско еще хотя бы пять минут – и он просто сжег бы вражеский десант вместе с их кораблями полностью. Увы, этих несчастных минут ему никто не дал.

Боевые корабли противника развернулись чуть быстрее, чем ожидалось, и залп их был удачен. Конечно, полностью синхронизировать его они не смогли, но и того, что получилось, хватило для пробоа. И все бы ничего, но основной удар пришелся в самое уязвимое место любого корабля – корму, напротив силовой установки, и это разом решило исход боя.

Взрыв в пустоте выглядит совсем иначе, чем в атмосфере. Иначе – но не менее красочно. Во всяком случае, раскаленные обломки гигантских чаш-отражателей улетели прочь эффектно. Корабль содрогнулся от носа до кормы и начал разворачиваться вокруг собственной оси, теряя управление. Именно в тот момент Карраско понял, что им конец.

Но прежде, чем врагу удалось справиться с испанским крейсером, он еще успел попортить им крови. Лишившись возможности для ускорения и серьезно потеряв в маневре, «Конкистадор» все еще сохранял вооружение, и артиллерийской платформой считался очень приличной. Во всяком случае, те, кто первыми сунулся, испытали это на собственной шкуре и разлетелись по космосу огненными брызгами. Испанские артиллеристы вели свою партию грамотно, заставляя врага держаться подальше. Жаль, что так не могло продолжаться вечно.

На этот раз никто не мешал вражеским кораблям построиться так, как они считали нужным, и синхронизировать залп. И, как и полагал Карраско, поле они задавили очень быстро, просто перегрузив его. Далее выбить артиллерию становилось уже делом техники. Хотя враги при этом потеряли до четверти кораблей, осознание данного факта служило слабым утешением, когда крейсер брали на абордаж.

Встретили их хорошо, можно сказать, гостеприимно. Хотя большая часть экипажа осталась на планете, в узких коридорах два десятка головорезов из десантной группы устроила вражеским штурмовикам настоящую бойню. Это помогло задержать противника всего-то минут на пять, десантников просто задавили числом, но они выиграли время, необходимое для организации обороны, в которой теперь принимали участие все, способные держать оружие.

Карраско приходилось сложнее всех, он не только отстреливался наравне с остальными, но еще и вынужден был контролировать всю картину боя. Результаты не радовали. Будь здесь люди, прошедшие ту же подготовку, что и погибшие десантники, оставался бы шанс переломить ход боя, но слабо подготовленные к такого рода войне операторы, техники и артиллеристы просто не справлялись. Хотя, конечно, имелись и локальные успехи – чаще всего в неожиданных местах.

Вот полностью полегла группа штурмовиков, окольными путями добравшаяся до камбуза и столкнувшаяся там с коком и его помощниками. Стрелять в помещении, заставленном плитами и шкафами, сложно, и в результате завязалась рукопашная. Грамотные повара могут разделять не только говядину, что и было продемонстрировано – прорвавшихся нарубили на гуляш. Вторая группа столкнулась с двумя пилотами, спешащими к месту основного боя, и оказалась истреблена в считанные секунды – пилотов набирали, в том числе, и по критерию запредельной реакции. Несколько веков назад из таких получались лучшие ганфайтеры.

Однако все это были локальные успехи, не влияющие на результат боя. Противник высаживал все новые подкрепления, проламывая дыры в корпусе и задавливая обороняющихся атаками со всех сторон. Примерно через полчаса Карраско понял – все, пора взрывать корабль. Но именно в этот момент рядом раздалось:

– Командир, что дальше делаем?

Ах ты ж черт! Обернувшись, Карраско имел сомнительное удовольствие лицезреть рядом с собой лейтенанта Мартинес, запыхавшуюся, но целехонькую и, похоже, довольную. Сбылась мечта идиотки, участвует наравне со всеми в настоящем бою. А что жить ей осталось от силы несколько минут, она по малолетству даже не предполагает!

Ни слова не говоря, Карраско схватил девушку за руку и потащил за собой по коридору. Она тихо пискнула, но не сопротивлялась, отчасти, может, потому, что он передавил ей кисть. Бегом, бегом, бегом!.. Дважды им на пути попадались вражеские солдаты, и Карраско каждый раз успевал перестрелять их прежде, чем те осознали угрозу. А потом беглецы влетели в отсек спасательных капсул, и командир крейсера успел закрыть бронированную плиту двери буквально за миг до того, как в коридор за их спинами высыпали

преследователи.

- Полезай, – капитан задыхался, но старался говорить спокойно.

- Куда?

- В капсулу, дура. На вот, – Карраско рывком извлек из своего коммуникатора маленькую, не более ногтя, карту памяти, на которую шла дублирующая информация с компьютера корабля. – Передашь это командованию, когда выберешься.

- Я тебя не оставлю!

Такой вот крик души. Он и сам бы с удовольствием бежал отсюда, куда подальше, но оставалось еще одно дело, и исполнить долг он мог, только будучи на корабле. Но как это объяснить сопле?

Сзади зашипело. Карраско обернулся и увидел, как по броневой плите медленно скользит красная точка. Убедившись, что открыть заблокированный люк не получится, штурмовики притащили откуда-то лазерный резак и теперь не спеша, сантиметр за сантиметром, вскрывали люк. Хреново. Впрочем... Капитан посмотрел на зачарованно уставившуюся на след резака Каталину и, не долго думая, стукнул ее рукой по затылку. Подхватил разом обмякшее тело, забросил его в ближайшую капсулу, включил гибернатор. Все, три месяца здорового сна у девушки есть, а за это время ее могут и найти. Вряд ли, конечно, но лучше уж такой шанс, чем никакого. Оставалось настроить аварийный маяк на суточную задержку, задраить люк и рвануть на себя рычаг принудительной расстыковки. Хлопок, помещение на миг заполнилось холодным паром. А еще через секунду вылетел внутренний люк и помещение заполнила одетая в легкие скафандры волна атакующих.

Что же, ему требовалось совсем немного – выиграть несколько минут, чтобы дать капсуле отлететь подальше, иначе шансов у Каталины не будет. Карраско даже не успел сформулировать это в голове, просто изо всех сил ударил прикладом лучемета по лицу оказавшегося совсем рядом врага и с удовлетворением отметил, что забрало гермошлема лопнуло, как яичная скорлупа. Ногой пнул второго, успел выстрелить в третьего, а потом и сам рухнул, сбитый чьим-то мощным ударом в лицо.

Пришел он в себя от того, что в лицо ему плеснули холодной водой. Левый глаз открылся с трудом, ресницы слиплись от крови, правый не видел вовсе. И сквозь колышущуюся багровую пелену он увидел перед собой чье-то смуглое лицо.

– Ты был командиром? – голос звучал ровно, почти без акцента. Карраско нашел в себе силы пожать плечами.

– Был.

– Коды доступа к компьютеру. Тогда умрешь быстро.

Руки не были связаны. Карраско с трудом поднял левую, украшенную недавно еще матово поблескивающим, а сейчас забрызганным кровью тяжелым браслетом-коммуникатором. Посмотрел на алчное от предвкушения лицо собеседника. Тянуть больше нельзя...

– Принимаете?

– Да.

– Ну, тогда прощайте.

Коммуникатор командира – это не только средство связи и идентификатор, это еще и выносной пульт, и помимо прочего с него можно запустить систему самоуничтожения. Правда, там сложный и длинный код, но его можно набрать и заранее. Тогда достаточно одного касания. Через пятнадцать секунд начался процесс извлечения из реактора замедляющих стержней. Спустя минуту крейсер исчез в ослепительной вспышке взрыва, прихватив с собой еще несколько сцепившихся с ним бортами судов противника. Достойная смерть для боевого корабля. В момент, когда это произошло, спасательная капсула была уже далеко.

Российская империя. Планета Кирпич. Несколько днями позже

Заниматься пузогрейством – работа, достойная настоящего мужчины. Именно так думал Всеволод, растянувшись на белом песке с бутылкой пива в одной руке и толстенным детективным романом в другой. Книга, если честно, ему не слишком нравилась, но вставать и идти за другой было лень. Отпуск подходил к концу, и Всеволод пользовался каждой свободной минутой, чтобы увеличить количество приятных воспоминаний. В одиночном рейде они пригодятся.

– Сева! Обедать!

А вот этот голос воспоминания даст приятные, но выборочно. Хотя бы потому, что он ненавидел, когда его называют Севой. Не мальчик, в конце концов, три звезды на погонах и пять рейдов за спиной.

– Сева, я кому говорю!

Старший лейтенант Всеволод Костин со вздохом поднялся на ноги. Дешевле подойти, чем потом слушать нотации. Катерина – та еще пила, а главное, пила не слишком умная. Почему? Да потому, что уже через неполный месяц знакомства вообразила себя чуть ли не законной женой или, как минимум, официальной невестой. Всего две недели назад сказать «я кому говорю» ей бы и в голову не пришло, а сейчас... Ну, ее дело, ее право. Через три дня отпуск заканчивается, и разойдутся они, как в море корабли. Не она первая, не она последняя, если вдуматься.

Съемный домик на берегу идеально приспособленного для отдыха местного моря (полтора метра в километре от берега и три в самой глубокой части) выглядел чистым что снаружи, что изнутри. Катерина была аккуратисткой и, вдобавок, отменно готовила, считая, очевидно, что самый короткий путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Всеволод, правда, всегда думал, что при наличии соответствующего инструмента самый короткий путь напрямую, через грудную клетку, но благоразумно держал эти мысли при себе. Да и потом, вкусный борщ – это тоже повод промолчать.

Всеволод посмотрел в окно, вздохнул. Еще три дня – и все это закончится. Снова тесная каюта и стерильная чистота воздуха. Ее можно, конечно, разбавить каким-нибудь ароматизатором, но это все равно не то, нос безошибочно отличает химию от живого, природного запаха. Такого, например, как здесь.

Кстати, интересно получается. Костин видел как-то статистику поездок, и получалось, что подавляющее число космонавтов из тех, что летают на корветах, фрегатах или таких, как у него, рейдерах, в отпусках тянутся к морю. Причем в глушь, где немного народу, как здесь, например – до ближайшего жилья километров пять, не меньше. Интересный выверт сознания, видать, не только человек осваивает космос, но и космос приспособливает к себе человека.

Ушедшие в сторону от реальности мысли старлея были прерваны мелодично запевшим коммуникатором. Марш имперской пехоты, он же марш Дарта Вейдера, исполненный на балалайке. Значит, вызов от непосредственного начальства, чтоб ему ни дна, ни покрывки. Он же еще три дня в отпуске!

– Слушаю.

– Привет, Всеволод Иванович! Не слышу энтузиазма в голосе!

– Не дождетесь, – фыркнул в ответ Костин. С капитан-лейтенантом Савостиковым, командиром их группы, можно было запросто. Во-первых, всего на два года старше, а во-вторых, характер у человека легкий. Конечно, если возникнет необходимость, службу он может требовать, да еще как, но и просто так, устава ради, напрягать людей официозом не станет.

– Это хорошо, вижу, ты в тонусе. Значит, так. Собирайся – и бегом на космодром. Борт за тобой я пришлю. Все.

И отключился, не объяснив толком, что же произошло. А произошло, это факт, иначе ради простого старлея никто спецрейс гонять не станет. Хотя оно, может, и к лучшему. Во всяком случае, можно решить вопрос с Катериной прямо сейчас, не теряя времени и сославшись на дела службы.

Через два часа (мог бы и раньше, но женщины всегда долго собираются) такси высадило его у проходной космодрома, после чего унеслось прочь вместе со взявшей с него обещание сообщить, как только вернется, Катериной. Естественно, выполнять это обещание он не собирался, но приличия требовалось соблюсти – что называется, дешевле обойдется. Вскинул на плечо сумку с нехитрыми пожитками и потопал к проходной, где торчала из-за стекла голова церберши-охранницы.

Сегодня ему не повезло – дежурила Полина Никитична, курица редкостная. Древняя, как мамонт, можно сказать, раритет, без которого этот космодром, да что там, эту планету и представить невозможно. Из той породы боевых старушек, которым нравится власть во всех ее проявлениях. Будь здесь нормальный космопорт, как, например, в столице планеты, все было бы проще. Взяли бы генетический код, проверили вещи сканером – и лети. Будь военный космодром – обошлись бы даже без этого, хватило бы и обычной идентификационной карты. Но здесь – не столица, и космодром не военный, а гражданский. Бабка с огурцом в кобуре. И мурыжить его она будет полчаса, не меньше.

К удивлению Всеволода, Полина Никитична даже не пыталась лезть своими грабками к его сумке. Только глянула на идекарту, зло сверкнула маленькими белесыми глазками и махнула рукой. Проходи, мол. Подивившись на такое проявление лояльности, редкое, как дождь в космосе, старлей пожал плечами, снова подхватил сумку и вышел наружу, на прокаленные местным солнцем плиты космодрома. Видать, бабке кто-то здорово накрутил хвост, чтоб не путалась под ногами, а это уже о многом говорит.

Ожидающий его транспорт Костин увидел сразу. И немудрено, кстати, поскольку новенький шлюп класса «поверхность-орбита» оказался единственным кораблем. Стоял себе, переливаясь зеркальными боками, окрашенными лучами звезды в ярко-оранжевый цвет. Спектр здешнего светила чуть-чуть отличался от солнечного, не настолько, чтобы это доставляло людям неудобства, но световые эффекты порой делало крайне необычные. Впрочем, к этому быстро привыкаешь.

Переминающийся с ноги на ногу пилот со скучающим видом пинал носком ботинка мелкие камушки, всей своей позой демонстрируя, как его здесь все достало. Пацан, только после училища, небось, такое поведение характерно именно для них. При появлении Костина он чуточку подобрался, хотя от строевой его стойка по-прежнему оставалась весьма далека.

– Долго же вы...

– Ничего, потерпишь, – буркнул старлей и, забросив сумку в открытый люк, полез следом. – Давай, на старт, внимание, марш...

Потомок водителей кобылы проворчал под нос что-то нелицеприятное, но качать права не стал и протопал напрямик в рубку. Видать, понимал, что Костин, если что, и без него улетит. Скверный характер пилотов-одиночек был всем известен, равно как и их квалификация. Для таких, как Костин, шлюп – так, семечки, одной рукой уведет.

Старт, надо сказать, прошел очень мягко. Шлюп и впрямь был новый, муха не сиживала, и все гравикомпенсаторы были синхронизированы четко, с заводской калибровкой, которая почему-то пропадает сразу после первого вмешательства косоруких механиков. Поляризаторы гравитации вытолкнули кораблик на орбиту в считанные минуты, а еще через полчаса на экранах внешнего обзора замаячили контуры орбитальной крепости и, по совместительству, базы, на которой располагалась их эскадра. Уродливая, но вместе с тем величественная, похожая на бьющегося в падучей спрута конструкция стремительно выростала в размерах и вот уже заполнила собой весь обзор.

Пилот вел шлюп лихо, и в последний момент Костин забеспокоился. Он вообще часто начинал нервничать, если не сам находился за штурвалом, а тут еще появилось ощущение, что парнишка не рассчитает, и... И ничто не портит мишень так, как попадание. На такой скорости они запросто проломают внешнюю обшивку и в блин размажутся по внутренней.

К счастью, опасения оказались напрасными. Пилот, виртуозно отработав двигателями, погасил скорость. Шлюп ловко состыковался с причальной иглой, короткий толчок в уши – выравнивание давления – и добро пожаловать на базу Северная Пять, что на орбите планеты Кирпич, названной так из-за идиотского чувства юмора первооткрывателей.

– Хоть бы переделся, что ли, – буркнул Савостиков, не отрываясь от перелистывания толстой пачки каких-то документов.

– Не успел. И потом, я еще три дня в отпуске. – Здорово, Петр Петрович.

– И тебе не хворать, – рукопожатие капитан-лейтенанта было железным. – Боюсь, Всеволод Иванович, отпуск твой придется прервать чуть раньше.

– Что-то случилось? – моментально сделал стойку Костин.

– Случилось, но деталей не скажу – сам не знаю. Через два, – Савостиков бросил взгляд на часы, поморщился, – уже через час сорок семь тебя вызывает командующий. Так что переоденься.

– Настолько серьезно?

– Не знаю, честно. Медведь хмурый, но вроде не рычит пока. Ладно, действуй, мне вон, с бумагами еще разбираться.

Поймав тоскливый взгляд Савостикова, Костин на миг ощутил легкое злорадство. Ушел с корабля на кабинетную работу – получи и геморрой в лице флотской бюрократии. Впрочем, тоскливый взгляд отца-командира не помешал задать еще один вопрос:

– Кстати, а как ты мне транспорт организовал? Гонять корабли тебе вроде бы не по чину.

– Это не я, это адъютант Медведя крутился. Все, давай, переодевайся и не вздумай опоздать.

За две минуты до назначенного времени Костин в отглаженном парадном мундире стоял в приемной командующего эскадрой контр-адмирала Баженова, прозванного Медведем из-за бесформенной фигуры, дикой физической силы и тяжелого характера. Когда-то, по слухам, Медведь начинал в штурмовой группе линкора, участвовал в нескольких десантных операциях, но после ранения вынужден был изменить место службы. Правда, в административном кресле он тоже не засиделся, выбив себе перевод в действующий флот, где довольно быстро продвинулся до командующего эскадрой. На этой должности он находился уже более десяти лет и, хотя стратегическими талантами не блистал, со свалившимся на его плечи хозяйством вполне справлялся. Под его командованием эскадра обеспечивала прикрытие сектора, успешно гоняла пиратов, а один раз даже намылила шею коллегам из Альянса, сдуру решившим устроить небольшую провокацию у чужих границ. Словом, его было за что уважать.

Обыкновения мариновать людей в приемной Медведь тоже не имел. Ровно в назначенный срок массивная, под дуб, бронированная дверь его кабинета распахнулась, и из него буквально вылетел какой-то интендант, промокающий

на ходу лысину огромным носовым платком. Судя по виду, ткань уже была мокрой насквозь. Следом за ним раздался грозный рык Медведя:

– Костина ко мне!

Адъютант привычно махнул рукой, заходи, мол, и опять уткнулся носом во что-то увлекательное, то ли секретные документы, то ли приключенческий роман. Оставалось только вздохнуть, как перед прыжком в воду, и шагнуть вперед.

Баженов сидел во главе огромного Т-образного стола и выглядел мрачным, насупленным и опасным. Словом, как всегда выглядел. Несколько секунд он рассматривал визитера из-под нахмуренных бровей, потом махнул рукой:

– Бери стул и присаживайся, не торчи, как хрен в борозде.

Дважды повторять не пришлось. Если адмирал говорит что-то сделать, не следует задавать лишних вопросов, поэтому Костин отодвинул один из стоящих у стола неудобных (наверное, чтобы подчиненные всегда помнили, кто есть кто, и не рассаживались зря) стульев и аккуратно присел. Медведь еще раз посмотрел на него, хмыкнул:

– Небось, гадаешь, зачем я тебя из отпуска вызвал?

– Так точно.

– Не ори, я не глухой. Дело есть. Срочное. Нужен командир малого рейдера, а под рукой ты один. «Комар» вчера ушел на патрулирование, он уже в гипере, «Лиса» только-только поставили в док, как раз вместо твоего корабля. Остальные в разгоне. Так что извиняй, больше некого.

Ну, некого так некого, дело, в принципе, житейское. Тем более, в должниках Медведь оставаться не любил, и какие-то преференции светят в любом случае. Но, с другой стороны, малый рейдер – не линкор, его командиру адмиралы лично задачи редко ставят, тут достаточно Савостикова. А раз так, значит, и впрямь что-то важное.

– Детали?

– Сразу к делу? Это хорошо, это правильно... Детали. Что же, – Медведь встал, прошелся по кабинету и поинтересовался: – Что ты знаешь о Севилье?

– Малой, Дальней или той, что на Земле?

– Малой. Сам мог бы догадаться.

– Да, в общем-то то же, что и все, – пожал плечами Костин. – Сравнительно малонаселенная испанская колония на границе с нашим сектором. Промышленность ориентирована почти исключительно на собственные нужды, сельское хозяйство – тем более. Вроде бы не дотационная, но этого я точно не помню. Сама планета ничем особенным в плане ресурсов не выделяется, разработки ведутся на астероидах, но и они не слишком богаты. Какого-либо стратегического интереса не представляет. Вот, кажется, и все.

– Весьма близко к истине, – адмирал зажег над столом подробную голографическую карту сектора. – Ключевое слово здесь – на границе. И поблизости нет ни единой населенной планеты. А теперь главное. Сегодня утром поступила информация о том, что система захвачена неизвестным противником. Им удалось подавить сопротивление патрульного крейсера и высадить десант, больше никаких подробностей. А информация нам ой как нужна. Поэтому сейчас ты берешь ноги в руки, двигаешь на свой корабль и немедленно стартуешь к этой хре?новой планете, чтобы выяснить, что там происходит. То ли там просто пираты смогли, наконец, организовать и устроили налет, то ли кто-то пришел всерьез и надолго. Проблемы на границе нам совсем не нужны.

– Так точно. Разрешите вопрос?

– Задавай, – кивнул Медведь.

– А почему мы? У нас же, помнится, дальняя разведка имеется.

– Все просто. Твой рейдер в любую щель без смазки пролезет и незамеченным вернется, а у твоих «старших братьев» под рукой нет кораблей дальней разведки, все в разгоне. Не линкор же туда посылать.

А могли бы и слетать, брюзгливо подумал Костин. В конце концов, вытребовали себе наши супермены аж целый линкор, стоит он уже три месяца, будто приваренный к причалам, и толку от него полный ноль. Вслух же он, естественно, рявкнул:

– Готов стартовать немедленно!

– Молодец, я в тебе не сомневался. Немедленно не стоит, мне тут кое-кому еще нервы потрепать нужно, так что проверь все, догрузи, что тебе нужно, и взлетай через три-четыре часа. И да, – Медведь похлопал ладонью по тонкой красной папке на столе. – Рапорт на тебя уже подписан, когда вернешься, погоны капитан-лейтенанта будут лежать вот здесь.

Ну вот, стоило догадаться, что без адмиральской благодарности такое непрофильное задание не останется. Что же, вполне достойно. Оставалось лишь повернуться через плечо и едва не парадным шагом выйти из кабинета. Выдохнуть под любопытным взглядом адъютанта и быстро-быстро направиться к кораблю, дабы изучить, для начала, сброшенный на его компьютер пакет информации.

Оказалось той информации, правда, кот наплакал. Просто с какой-то из ретрансляционных станций неизвестный оператор до конца вел передачу. Разумеется, вряд ли на Россию, скорее всего, к своим, но и имперская разведка не зря кушала свой хлеб с маслом. Уж что-что, а европейские ретрансляционные станции им на один зуб. Это в аппаратуру Альянса залезать рискованно, тамошние хакеры не хуже русских, можно нарваться на серьезные проблемы, а Европейская Ассоциация к вопросам безопасности относилась, как сельская дурочка к растущему пузу – ничего страшного, рассосется. Сейчас это оказалось на руку.

Увы, кроме боя, снятого с неудобного ракурса, в полученной информации ничего ценного не было. Хотя, конечно, бой можно было оценить и поаплодировать неожиданным мастерству и храбрости испанцев, которых традиционно считали посредственными вояками. Несмотря на колоссальный численный перевес врага, их командир сумел и найти уязвимое место вражеского построения, и добраться до него. Но, к сожалению, посмотреть на результат не получилось. Как раз во время разгрома транспортного строя запись обрывалась – очевидно, передатчик уничтожило прямым попаданием. Пришлось отложить дальнейшие измышления на потом и заняться подготовкой корабля.

Малый рейдер – чудо минимализма. Рубка, машинное отделение, камбуз, он же медотсек с диагностом, санузел и крошечная каюта. По сравнению с рейдером даже считающиеся аскетичными корветы – царские дворцы. На них хотя бы находится место для троих, здесь же и одному тесно. Очень часто капитаны этих суденышек, возвращаясь на базу, с проклятием заявляют, что больше даже близко не подойдут к своему корыту. Но потом, когда приходит время отлета, возвращаются практически все. Одиночный полет и полная свобода, независимость от приказов и право самому принимать решения затягивают не хуже наркотика.

Помимо этого одиночкам, идущим в поход на таких корабля, день идет за два, в звании они растут быстрее всех, опыт нарабатывают тоже. Ну и жалованье, конечно, солидное. Патриотизм и энтузиазм должны хорошо подкармливаться материально. Словом, желающих служить на таких кораблях не то чтобы длинная очередь, но хватает с избытком.

Обратная сторона медали тоже имеется. Требования, которые предъявляются к пилотам, очень велики. И психологические, все же если рейдер месяц-полтора идет в составе эскадры – это одно, а если в свободном поиске – совсем другое, и не каждый такое выдержит безболезненно. И физические, поскольку здоровьем твоим заниматься будет попросту некому. А, главное, квалификационные, потому что во время полета единственному члену экипажа малого рейдера придется быть и пилотом, и штурманом, и механиком, и оператором систем вооружения, и еще много кем. Словом, он должен быть специалистом широкого профиля, причем во всех дисциплинах разбираясь по-настоящему хорошо.

Всеволод как раз таким специалистом и являлся. Родом с периферийной планеты, одной из тех, что всегда поставляли империи лучших солдат. Вдобавок, на его родном Туманном гравитация в полтора раза превосходила стандартную. В таких условиях естественный отбор проявляет себя во всей красе. Слабые не выживают, а сильные обзаводятся квадратной фигурой и несокрушимыми мускулами. Ну и природа не обделила его ни мозгами, ни упорством, так что после основного курса военного училища он еще год доучивался, чтобы стать тем, кем хотел быть изначально. Смертником, как кривили губы некоторые штабные. Впрочем, на дураков Костин не обижался.

Оставшееся время он посвятил двум вопросам. Во-первых, облазил свой корабль и провел хотя бы поверхностный осмотр. Конечно, рейдер только что из дока, а

там во время технического обслуживания халтурить не принято, но проверить все равно надо. Традиция, да и самому на душе спокойнее. Кстати, и впрямь стало спокойнее – корабль сиял, как у кота причинное место, и даже впаиванию на молекулярном уровне надпись на борту, сделанную первым командиром рейдера, циником и пессимистом, механики ухитрились облагородить. Готическое «Ave, Caesar, morituri te salutant!»[1 - Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!] смотрелось красиво и внушительно.

Во-вторых, Костин воспользовался моментом и сходил на склад, где ленивый и прижимистый прапорщик, у которого обычно сверх положенного снега зимой не выпросишь, на сей раз без звука выдал несколько ящиков деликатесов вроде красной икры и копченой лосося. Видно было, как его корежило, но молчал – видать, грозный медвежий рык докатился уже и сюда.

Ровно через три часа сорок пять минут, когда Всеволод уже распихал честно добытые разносолы, замерцал сигнал вызова, и на экране рубки появилась довольная адмиральская харя. Судя по всему, он не только успел кому-то попортить нервы, но и изрядно на них выспаться. Окинул взглядом рубку, хмыкнул:

– Ну что, готов?

– Так точно.

– Да, мне уже доложили. Наши снабженцы волками воют, – тут адмирал ухмыльнулся. – Так им и надо, толстопузым. Ладно, ни пуха, ни пера!

– К черту! – браво гаркнул Костин и начал процедуру расстыковки.

От причала рейдер отвалил удивительно мягко, гравикомпенсаторы отладили просто здорово. Небось, Митрич постарался, этот механик, которому уже минуло девяносто, был на Кирпиче, пожалуй, самым опытным специалистом, и терпеть не мог, когда что-то, вышедшее из его рук, не работало как надо. Если он занимался наладкой – значит, повезло. Костин привычно шевельнул почти невесомый штурвал, проверяя, как корабль идет на ручном управлении. Почувствовал, как рейдер с готовностью откликается на каждое шевеление пальцев и, довольно хмыкнув, включил автопилот. Все, до выхода в гипер делать в рубке нечего.

Испанский сектор. Окрестности планеты Малая Севилья

Космос был пустынен, что для такого захолустья, скорее, норма. Да и из гипермалый рейдер «Стилет» вышел на приличном удалении от центра системы и в стороне от плоскости эклиптики. Можно было бы, конечно, и поближе подойти, тем более навигация в этот раз оказалась простой. Гипер каждый раз подкидывает непредсказуемое число измерений, которыми требуется оперировать, но в этот раз их было всего пять. Для штурмана класса Всеволода меньше, чем ничто. Курорт. В такой ситуации можно подкрасться чуть ли не к самой звезде, хотя это, конечно, немалый риск.

Тем не менее, Костин предпочел вывести свой корабль на приличном отдалении, там, где его с гарантией не смогут обнаружить. Что здесь произошло, неясно, и лучше подкрасться тихонечко, на кошачьих лапках. И для начала осмотреть район боя, где так дорого продали свои жизни (а шансов уцелеть у них не было) испанцы.

Место, где произошла свалка, впечатляло. Конечно, значительную часть обломков взрывами откинуло в стороны, придав им неплохое ускорение, так что теперь они летали где-то далеко, по собственным орбитам, но и того, что осталось, хватало, чтобы судить о масштабах побоища. Очень похоже, испанцы дрались не только храбро, но и грамотно, накрошив перед смертью немало врагов. Не зря же пространство здесь до сих пор было насыщено мусором так, что существовала реальная опасность получить в борт куском металла, способным проломить броню не хуже противокорабельной шрапнели. Если лезть без защитного поля – так уж точно. Впрочем, Костин и с защитой не полез, предпочтя ограничиться дистанционным сканированием.

Оно, к сожалению, мало что дало. Удалось идентифицировать носовую часть крейсера, искореженную взрывом так, что даже мощный компьютер рейдера пару минут раздумывал, что же это за перекрученная грудка металла. Еще несколько обломков принадлежали грузовым кораблям. Эти определялись легче, поскольку сами корабли не взорвались, а были просто разорваны на куски артиллерией крейсера. Однако на этом все достижения лейтенанта пока и ограничивались, ничего нового он не узнал.

Однако столь мизерный результат (фактически лишь подтвердилось и без того крайне вероятное предположение, что испанский крейсер уничтожен) Костина ничуть не обескуражил. Он, по чести говоря, на большее и не рассчитывал. Разведка, пускай даже флотская, оперативного подчинения, удел терпеливых. Ждать его учили, перебирать гору пустой породы ради одного-единственного самородка – тоже, и сейчас лейтенант всего лишь проложил новый курс, позволяющий обшарить пространство вокруг места боя. И, надо сказать, жаловаться на судьбу ему не стоило – уже часов через пять удача улыбнулась разведчику. Оставалось лишь надеяться, что это и впрямь улыбка, а не ехидная ухмылка.

Сигнал, принятый станцией рейдера, был довольно мощным, устойчивым, а главное, легко идентифицировался. Стандартный вопль о помощи на стандартной же волне. Спасательная капсула или поврежденный в бою корабль, только вот чей? Защитников? Тогда почему она так безбоязненно вопит на всех волнах в занятой противником системе? А в том, что система захвачена, сомнений не было – радары дальнего обнаружения отчетливо фиксировали множественные цели. Так как правительственного флота здесь быть не могло, то выбор, что называется, невелик. С другой стороны, если нападавших, то почему ее не подобрали сразу после боя?

К источнику сигнала рейдер подбирался осторожно, выключив двигатели и идя по инерции, задействовав все системы маскировки, какие только имел. А имел он их немало – империя не скупилась, развивая военные технологии. Достоинство ответить ей сейчас мог только флот Альянса, европейским же войскам оставалось кусать локти. Они отставали от лидеров где на шаг, а где и на два. Так что чей бы корабль не подавал сейчас «Мэйдей!»[2 - Аналог сигнала SOS, принят во многих флотах мира.], вряд ли его хозяева могли обнаружить «Стиллет». И все равно, Костин предпочитал не торопиться.

Источник сигнала летел по той же орбите, что и обломки кораблей, ненамного их опережая, и оказался все же не кораблем, а спасательной капсулой европейского образца. Слегка помятой и капитально исцарапанной, но ее начинке это повредить не могло. Капсула – это шлюпка с минимумом возможностей и комфорта. Но шлюпка, при всем при том, бронированная, способная выдержать нечто большее, чем град раскаленных осколков. Что же, имелся неплохой шанс получить информацию, которую требовало от лейтенанта командование.

Следующие полчаса Костин провел максимально скучно. Капсулу обшаривали бесстыжие лучи разнотипных сканеров, засечь которые ее аппаратура, если она там вообще имелась, была не в состоянии. Данные передавались на компьютер рейдера, который, собственно, и занимался первичным анализом. Присутствие человека при этом почти интимном процессе не требовалось, и роль Костина свелась к сидению в кресле и разглядыванию объекта исследований. Ну и, заодно уж, обеду – раз выпала свободная минута, грешно ее не использовать.

Когда радостный писк, изданный компьютером, оповестил его, что анализ закончен, Костин лишь плечами пожал. В данный момент он потреблял картофель с грибами и не намерен был прерывать столь увлекательное занятие. Висела капсула несколько дней в пустоте – и еще пару минут вытерпит. Однако всему хорошему на свете приходит конец, так что пришлось отложить в сторону опустевшую тарелку и заняться, наконец, своими прямыми обязанностями.

В принципе, результат не казался слишком уж неожиданным. Капсула действующая, стандартная, четырехместная, внутри один человек. Рост сто семьдесят девять, вес шестьдесят два, задохлик, а не космонавт. Погружен в анабиоз, гибернатор работает в стандартном режиме. Принадлежность капсулы определить не удалось, стандарт – он и есть стандарт, такой может быть оборудован любой корабль европейского производства. Ничего сверх заводского минимума в капсуле не установлено. Вот, в принципе, и все. Негусто. Оставалось решить, что с ней делать.

Размышлял лейтенант недолго. Подойти, пришвартоваться, извлечь человека и расспросить. Или допросить, но это уж как карта ляжет. Если же он что-то попытается учинить... Ну, тем хуже для него. Костин считал, и не без основания, что при нужде отвернет башку любому гипотетическому противнику.

Швартовка не потребовала сколь-либо значительных усилий. Капсула, правда, вращалась, будто яйцо в кипятке, но это был чисто технический вопрос. Мощный силовой захват рейдера спеленал ее намертво, а по массе покоя даже такой небольшой корабль, как «Стиллет», превосходил капсулу почти в полтысячи раз. Костин даже не почувствовал рывка, когда движение плененного объекта синхронизировалось с рейдером. Перейдя на ручное управление (автоматика справилась бы не хуже, но пилот – всегда пилот), лейтенант мастерски состыковал корабль с капсулой. Ну, все, теперь надо было пойти и посмотреть, что за улов ему достался.

Боевой скафандр привычно лег на тело, превратив Костина в подобие облитой черным полированным металлом статуи. Впечатляющее зрелище, и годное не только чтобы пыль девушкам в глаза пускать. Несколько шагов вперед-назад-вбок, наклоны, стойка на руках – порядок. Скафандр не стесняет движений, заряд батарей в норме. Для работы в космосе пригоден мало, зато в такой броне можно с голыми руками выйти один на один против танка – и победить!

Кессон, соединяющий швартовочные люки рейдера и капсулы, был герметичен. Ну, здесь проблем и не ожидалось – международный стандарт стыковочных узлов разработали давным-давно, и менять не собирались, так удобнее для всех. Люк капсулы раскрылся сразу же, благо конструировали их с расчетом на то, что его откроет любой человек. С тихим шелестом, говорящим о хорошей отладке механизмов, броневая плита ушла в сторону, и Костин шагнул в открывшийся перед ним проем.

Внутри капсула выглядела так, как ей и положено – минимум удобств, голая функциональность. Костин такие видел не раз, что отечественные, что созданные конкурентами. Разница была лишь в деталях. Вот и здесь. Пульт, максимально упрощенный, чтобы справился кто угодно, обладающий элементарными базовыми навыками, да гибернаторы, саркофаги с прозрачными крышками. Три пустые, под четвертой клубился туман. Работает, значит. Оставалось разобраться с тем, как его открыть.

Вот здесь лейтенанту пришлось повозиться намного дольше. Ошибиться в процедуре разморозки нельзя, гибернатор – штука капризная, и «клиента» может, к примеру, запечь, как в микроволновке. В то же время стандарты у каждого производителя свои. Грамотный медик разберется без проблем, но Костин понимал в медицине на уровне оказания первой помощи и управления корабельным диагностом. Нельзя быть сильным во всем, увы. Так что пришлось долго и мучительно разбираться в управлении, костеря сквозь зубы создателей европейской аппаратуры и их кривые мозги с извращенным мышлением. И ни на миг не сомневаться при этом, что те на его месте, пытаясь поладить с русской аппаратурой, ругались бы точно так же.

Справился, разумеется. После длительных уговоров на великом и могучем, сопровождаемых тыканьем в клавиши виртуального пульта (извращение, за которое убить хотелось – такая аппаратура не отличалась надежностью и, на взгляд русских, удобством), по периметру капсулы зажглась россыпь зеленых огней, и приятный женский голос, явно синтезированный компьютером, сообщил

что-то на незнакомом языке. Впрочем, встроенный в шлем транслятор тут же определил его, как испанский, и сообщил перевод. Все нормально, разморозка началась. Сорок минут ожидания – и вот крышка капсулы, наконец, мигнула всеми цветами радуги и чуть приподнялась. Оставалось только аккуратно взять ее за край и откинуть в сторону.

М-дя... Ну, вот и разгадка, почему узник губернатора такой subtilный. И кто, спрашивается, додумался брать в космос таких вот, извиняюсь, детей, да еще и женского пола? Нет, конечно, и в имперском флоте женщины встречались, в том числе и офицеры, но все же их физические кондиции были куда более впечатляющими, чем у лежащей, будто мертвая, девицы, обряженной, вдобавок, в стандартный флотский комбинезон с офицерским погоном на левом плече. На правом, кстати, погона не было, зато имелась средних размеров дыра, будто кто-то за это самое плечо схватил и хорошенько рванул. И силой он при этом должен был обладать немалой, эту ткань так просто не порвешь.

Ну что же, кто ходит в гости по утрам – тот видел много страшных дам. Сейчас, правда, не утро, да и страшненькой эту конкретную даму, которой вряд ли больше двадцати трех, максимум двадцати пяти лет, не назовешь, вполне, что называется, товарный вид. Тонкие, аристократические черты немного смуглого, как у многих испанцев, лица, которое не портят даже разбитая губа и ссадина на скуле. Правда, в образ аристократки не вписываются чуть курносый нос и мелкие веснушки, проступающие даже через естественный цвет кожи, но это ей, в общем-то, идет. Каштановые волосы, блестящие, словно лакированные... Ну, изящную фигуру он сразу отметил. Тебе бы на балах зажигать, девочка, а не в губернаторе валяться. И, кстати, относительно губернатора. Он-то свою работу уже закончил, так что надо спасенную забирать и отваливать поскорее. А то она еще неизвестно, сколько без сознания пробудет, армейские губернаторы, принятые на вооружение европейцами, жуткое барахло. Это у Альянса они хороши, даже лучше имперских. Вылез из него и пошел по своим делам. А здесь несколько часов реабилитационного периода вынь да положь. Поэтому надо ее как можно быстрее перенести на борт «Стилета», да валить отсюда подброду. Передатчик-то вопил, вопил, а теперь, сразу после того, как Костин вошел в капсулу, автоматически смолк. И это, кстати, тоже может привлечь внимание.

Легко подняв трофей, ценность которого еще предстояло оценить, на руки, Костин перебрался на свой корабль. Хотел было запихнуть девчонку в диагност, но, подумав, не стал. Во-первых, успеется, видимых повреждений вроде бы нет,

и дышит глубоко, ровно. А во-вторых, чтобы ее туда засунуть, придется вначале раздеть. Ему-то плевать, что она, очнувшись, подумает, но время, время... Каждая минута пребывания здесь – лишний риск, и так слишком задержался. Поэтому лейтенант просто сгрузил свою добычу на диван, являвшийся единственным на корабле местом релаксации, и отправился в рубку.

Как оказалось, торопился он не зря. Всего через полчаса после того, как «Стилет» отстыковался от спасательной капсулы и, отойдя подальше, окутался маскировочными полями, к месту randevu пожаловали сразу три истребителя ближнего радиуса. Барахло, конечно, в Британском Содружестве такие сняли с вооружения лет пятнадцать назад. Рейдер сделал бы их, не напрягаясь, но тогда пришли бы другие, иным числом и совсем иным составом, а значит, конец невидимости, срыв задания. Прикинуться ветошью и не отвечать в такой ситуации самая лучшая тактика, запихнуть на истребитель Харрикейн-200 серьезную аппаратуру сканирования пространства физически невозможно, и обнаружить «Стилет» они смогут разве что случайно.

Решение оказалось правильным. Истребители покрутились вокруг... недолго. Потом развернулись и удалились, решив, видимо, что ничего интересного нет, и у голосившей капсулы просто навернулся передатчик. А может, это была уловка, и кто-то, затаившись в стороне, внимательно следит за подозрительным местом, ждет, когда уверенный в своей непогрешимости пришелец дернется. Правда, для этого стоило признать, что он обладает аппаратурой лучшей, чем установлена на «Стилете», а это уже пахнет паранойей. Вот только... если вы параноик – это еще не значит, что за вами не следят, верно?

Одно сидящий в полумраке (так ему больше нравилось) рубки Костин мог сказать точно. Те, кто прилетал сюда, не военные. Они умели управлять своими истребителями и, судя по тому, как маневрировали, неплохо. Но вот военными они не были, не тот стиль пилотирования. И не были эти трое сыгранным звеном, такие вещи легко определить, их чувствуешь на уровне подсознания. А не имеющих опыта совместных полетов в составе одной группы без особой нужды на боевое задание посылать не станут. Здесь не было даже теоретической потребности сбивать группу из чего попало, времени в избытке, да и не торопились гости, словно давали тому, кто гипотетически сюда добрался, возможность свалить куда подальше. Не хотели драться? Очень возможно. Только или перед ним очень хорошие актеры, или... в общем, военные любой уважающей себя страны все же так себя не ведут, и точка.

Он выждал еще два часа. Время текло медленно, капая, словно вода в старинной клепсидре. Видел он когда-то такие в музее, штука сколь внушительная, столь и неудобная. Наверняка рядом с ней сидели, наблюдая за течением воды, специально обученные люди. А может, и нет, Костин не был знатоком древней истории. Но сейчас он чувствовал себя именно таким человечком, выполняющим пускай и важное, но мучительно тянущееся дело. Сидеть, уставившись в пустые экраны, на которых разве что мусор порой пролетает, и то редко, потому как от места боя он отошел уже далеко, занятие, бодрости духа и тела не способствующее. Впрочем, он умел ждать.

Все, контрольное время истекло. Повисим еще немного – так, для очистки совести, ведь спешить все равно некуда. Адмиралу нужна информация, а не погибший из-за ошибки командира рейдер. Но больше сидеть в рубке нет смысла, если что, автоматика и предупредит, и совершит маневр уклонения. У него же, Костина, есть дела посрочнее. Например, снять и поставить в нишу здесь же, в рубке, осточертевший скафандр, проверить, наконец, как там гостья и все ли с ней в порядке. И посетить галльон, это, хе-хе, даже важнее.

Веселье началось сразу после того, как лейтенант покинул рубку. В качестве аванса он получил по голове чем-то твердым, как потом оказалось, извлеченным из шкафа пластиковым медицинским штативом. Штука это была легкая, но прочная, так что кого другого могла и с ног сбить, а то и травмировать. Но в данном случае выдержали и пластик, и затылок, хотя на пару секунд ориентацию в пространстве Костин потерял. Нападающий же, напротив, сработал бойко, подсек командиру рейдера ноги и, когда тот неловко рухнул на пузо, припечатал сверху собственным невеликим весом, довольно грамотно выкручивая руку. И голос, в иной ситуации, наверное, весьма приятный, прошипел в самое ухо на академически чистом английском:

– Лежать! Не двигаться!

Ну вот, хоть бы пистолет отобрать попыталась, что ли, подумал Костин, чуть поворачиваясь и придавливая телом кобуру, чтоб не бросалась в глаза и не вызвала ненужных мыслей. Он-то переживет, но процесс поиска общего языка осложнится. После этого лейтенант обернулся, увидел то, что, в принципе, и ожидал, то есть искренне уверенную, что контролирует его, девушку, и спокойно, даже чуть флегматично поинтересовался:

– Очнулась? Я, честно говоря, ожидал, что еще часа два-три, как минимум, у меня есть.

– Молчать! Здесь вопросы задаю я...

– Угу, угу, – Костин легко разогнул руку, которую девушка продолжала отчаянно выкручивать, и встал. Нет, работала-то она вполне грамотно, рукопашному бою ее кто-то где-то когда-то учил, но против человека, способного без особых усилий завязать узлом стальную трубу (а на планете, где родился Костин, это достижением не являлось, так, обыденность), ее силенок оказалось явно маловато. Можно было, кстати, и вовсе наглядности ради взять обнаглевшую девицу за шкуру и поднять в воздух, причем одной левой, но тут мешали сразу два обстоятельства. Во-первых, низкий потолок, а во-вторых тот факт, что ростом она была на пол головы выше лейтенанта. Последнее обстоятельство у кого другого вполне могло бы вызвать комплекс неполноценности, но не у Костина. Он привык, в конце концов, повышенная гравитация родной планеты имеет и минусы, вроде небольшого роста. Он там еще высоким считался... – Ну что, успокоилась?

Девчонка было дернулась, но тут же обнаружила, что теперь уже ей не удастся вырваться. Костин попросту успел зацепить и сжать в горсти ее мундир на груди, и теперь разогнуть его пальцы без помощи гвоздодера у гостьи вряд ли получилось бы. Подождав, пока она убедится в бесполезности своих усилий, Костин аккуратно подвел ее к дивану, посадил и вежливо сказал:

– Отдохни, приди в себя, успокой нервы. Я сейчас вернусь.

С этими словами он заблокировал дверь в рубку и, усилием воли сдерживая шаг, пошел в санузел. На клапан давило уже так, что мочи терпеть не было, а разговор у них предстоял долгий.

Борт малого рейдера «Стилет», два часа спустя

– В общем, информации совершенно недостаточно, – подвел итог Костин, выслушав рассказ не в меру бойкой девицы (затылок ощутимо ныл) и внимательно просмотрев флэш-карту погибшего командира крейсера. – Кто напал неизвестно, точное число тоже...

- Данные полны, насколько это возможно.

- Верю. Но вот, посмотри, - Костин щелкнул пальцем по экрану. - Их корабли продолжали прибывать вплоть до того момента, как у вас снесло антенны. Соответственно, после гибели вашего крейсера могла подойти еще целая армия, а то и не одна. Так что единственное, что мы более-менее достоверно знаем, это характеристики ваших противников, как солдат. Очень невеликие, но это и так было ясно с самого начала. Ну и возможности некоторой части их техники. Тоже, надо сказать, не впечатляющие. Что же, придется ждать.

- Чего?

- Приказа, разумеется, - Костин решительно встал. - Эти данные я передам в штаб, а дальше пускай решают, время пока терпит.

- Но там, на планете, каждая минута стоит кому-нибудь жизни.

- Все мы смертны, - пожал плечами Костин. - В конце концов, я мог найти тебя вообще через неделю. Или не найти вообще. Смирись и прими это как данность.

Девушка нахохлилась. Чувствовалось, что с мнением собеседника она не согласна, но и серьезных, а не эмоциональных аргументов у нее нет. Жаль ее, конечно, но, увы, есть для таких ситуаций определенная процедура, и не старлею ее менять. Разве что приободрить попытаться. Костин вздохнул:

- А вообще, ты должна своему командиру быть по гроб жизни благодарна. Настоящий мужик, уважаю.

Каталина промолчала, но по тому, как изменился ее взгляд, Костин понял, что сказал это зря. Не все тут чисто, ох, не все. Ну и ладно, это не его вопрос, в конце концов. Надо передать информацию, а там уж... Может статься, прикажут возвращаться. Или ожидать подкрепления. И в том, и в другом случае, он скоро передаст гостью в руки старших по званию, и на том их знакомство завершится. Так что пускай пока отдыхает - что в сон ее периодически клонит, очень даже заметно, одна из стандартных реакций на пребывание в губернаторе - а он пока займется делом.

Одно из преимуществ малого рейдера перед большинством кораблей – собственная станция гиперпространственной связи. Так уж получилось, что в космосе, где объекты отделены друг от друга расстоянием в десятки, а то и сотни световых лет, обычная радиосвязь – штука бесполезная. Вблизи планет, где задержка в секунды или даже минуты особой роли не играет, радио крепко удерживает позиции. Ближе к границам систем задержка может составлять уже часы, но и с этим, за неимением альтернативы, приходится мириться, а вот дальше – все. Адресат будет дожидаться сообщения годами, если вообще дождется – как ни сужай луч, рассеивания не избежать, и мощность передатчику нужна будет колоссальная, а зачастую и вовсе недостижимая.

В такой ситуации наиболее быстрым – а подчас и единственным – средством связи оставался звездолет. И такие расклады никого не устраивали, как из-за медлительности, так и из-за совершенно запредельной стоимости. Отсутствие устойчивой и оперативной связи мешало экспансии и порождало сепаратистские настроения на окраинных планетах, а потому долго мириться с таким положением было попросту невозможно.

Естественно, что и крупные научные институты, и непризнанные гении в самых разных странах с жаром набросились на столь востребованную работу – уж больно хорошие деньги светили в случае успеха. Да и при его отсутствии «распил» средств обещал хорошие барыши, многие этим и занялись, радостно попискивая от удовольствия. Но все же настоящих ученых, привыкших выдавать результат, оказалось вполне достаточно, и вполне закономерным явился тот факт, что решение все же нашли. Почти одновременно на-гора схожие результаты выдали в еще только вылупившейся и набирающей мощь исполина Российской империи, отчаянно пытающемся восстановить утраченные позиции Альянса и где-то в Европе. В первом и втором случаях работали мощные государственные институты, в третьем – какой-то частный концерн, но это, по большому счету, мало что значило. Главное, проблема была решена, и космическая экспансия человечества получила хороший пинок под зад, обеспечивающий новые шаги вперед.

Естественно, новый вид связи, по сути, комбинация радиоволн и устойчивого гиперпространственного канала, по которому они шли (та еще задачка, кстати, с инженерной точки зрения весьма нетривиальная), оказался не без недостатков. С ними боролись, естественно, и даже успешно. Во всяком случае, запредельная поначалу стоимость с развитием технологий быстро снизилась, а размеры ретрансляторов, на первых порах сравнимые с звездолетом, ужались в десятки

раз. Но вот энергопотребление... Именно из-за него такие станции или делались стационарными, или полагались кораблям рангом не ниже крейсера, реакторы остальных просто не выдерживали такой нагрузки.

Однако малым рейдерам связь нужна, они лезут, как любят говорить в Альянсе, в задницу к дьяволу. Стало быть, и информацию должны передавать оперативно, а то, может статься, через несколько часов и передавать-то будет нечего. Поэтому инженерам была поставлена задача – а они соответственно нашли выход. Не лучший, но вполне приемлемый, во всяком случае, на данном этапе.

Энерговооруженность малых рейдеров чрезвычайно высокая и явно избыточная. Не потому, что кому-то некуда девать деньги, просто для этих кораблей не стали разрабатывать отдельные реакторы, ставят те же, что и на фрегаты, это дешевле, чем с нуля осваивать новое производство. Ну и, вдобавок, создается неплохой задел под дальнейшую модернизацию. А раз энергии в избытке – то почему бы не использовать это обстоятельство? Конечно, для обеспечения долговременной устойчивой связи ее все равно не хватит, но если пробить канал на несколько секунд, то сжатый до предела пакет информации отправить вполне возможно. Главное – сделать все это быстро, проблемы с наведением и фокусировкой решали лет двадцать, но зато сейчас такие корабли, как «Стилет», могли похвастаться пускай чертовски дорогой и не особенно удобной, но все же собственной аппаратурой дальней связи. Предмет зависти командиров корветов, фрегатов и даже эсминцев, но тут уж никуда не денешься, кто на что учился.

Сейчас рейдер украсился рукотворным плавником развернувшейся стальной параболической антенны и стал похож на земную рыбу-парус. Немного гипертрофированную, правда, словно изображенную рукой художника-авангардиста. Ну, или пародиста – дело в том, что размеры антенны в рабочем положении были даже больше, чем самого корабля. Требовалось лишь нажать на кнопку передачи – и все, рапорт, а вместе с ним и содержимое полученной от Каталины флэшки, отправились адресату. Теперь оставалось лишь ждать ответа, который придет в точно оговоренное время. А стало быть, надо свернуть до поры антенну и можно отдохнуть.

Каталина обнаружилась в его каюте. Ну, собственно, там он ее и разместил – больше-то негде. Хорошо еще, те, кто конструировал этот корабль, предусмотрели гипотетическую возможность появления на борту гостей.

Гипотетическую потому, что никто в здравом уме и твердой памяти на это корыто, да еще вторым номером, не полезет. Тем не менее, они подстраховались и снабдили каюту откидной верхней полкой. Не бог весть что, конечно, но лучше, чем на полу. Правда, оставался еще неуставной диванчик на камбузе, но на нем даже невысокому Всеволоду было не вытянуться, не то что гостье, а спать скрюченным – нет уж, простите, обойдемся без этого. Правда, никто не думал, что гость может оказаться иного пола с капитаном, но тут уж ничего не поделаешь. Так что вручил он Каталине аккуратно свернутый и аж хрустящий от чистоты комплект постельного белья, ткнул пальцем в верхнюю полку и велел устраиваться, а сам занялся делами.

Девушка, к его удивлению, не спала. Сидела, поджав босые ноги и закутавшись в коротковатый для нее халат Костина, перед экраном терминала. Вряд ли ей в этой одежде было особо комфортно, но ее собственная годилась сейчас разве что на тряпки, а безразмерный, подгоняющийся под любую фигуру рабочий комбинезон – штука сколь универсальная, столь в обыденной жизни и неудобная. Так что пришлось пожертвовать деталью своего гардероба и искренне надеяться, что это не вызовет в будущем проблем. Хорошо еще, Каталина была столь вымотана, что лишь кивнула равнодушно и полезла в душ, смывать с себя пот, кровь и прочие радости активного образа жизни.

Сейчас она сидела в небольшом, но удобном кресле, подперев густо намазанную регенерирующим гелем щеку, и отстраненно пялилась в экран. Даже появления хозяина не заметила. Пришлось щелкнуть пальцами, привлекая внимание, и, услышав закономерное «Ой!», наблюдать рефлекторное запахивание халата.

– Чего не спишь?

– Не знаю... Подремала минут двадцать – и все, не спится. Вроде бы и хочется, а не получается.

– Скоро опять уснешь, – успокоил ее Костин. – Это нормально, после губернатора такое бывает. Особенно учитывая, что я вколол тебе противошоковое. Сон как бы дробится на куски. Пройдет. Чем занимаешься?

– Удивляюсь.

Как оказалось, полежав немного и убедившись, что уснуть не получается, девушка заскучала и, закономерно, стала искать, чем бы ей заняться. Ничуть не удивительно, что ее внимание привлек терминал, установленный на столе, и она полезла в нем разбираться. Ну а так как возможность появления гостя, тем более иностранного, по умолчанию не предусматривалась, а сам Костин об этом не подумал, то и заблокировать его, прежде, чем шаловливые женские ручки в него залезли, он не догадался.

Терминал в каюте был великолепный, но, увы, практически все оказалось прикрыто паролями. Каталина попыталась влезть... Ага, щ-щас-с. Тот, кто ставил защиту, в своем деле разбирался, и не ей было с ним состязаться. Пожалуй, единственное, что девушке удалось открыть без проблем, была игрушка – какой-то шутер, судя по графике, древность несусветная.

За попыткой разобраться с этим раритетом ее и застал Костин. Точнее, за горестным созерцанием отрицательных результатов. Усмехнулся, плюхнулся на свою кровать и устало вытянул ноги. Поймал взгляд девушки и махнул рукой – не отвлекайся, мол. Однако Каталина уже закрыла окно программы и с интересом спросила:

– Ты так убиваешь время в полете?

– Не-а, – с трудом сдержав зевок, ответил лейтенант. – У меня другие увлечения. Я здесь, кстати, и не работаю почти – в рубке удобнее. А эта хрень осталась еще от моего предшественника. Он сейчас уже фрегатом командует.

– Гм... И чем увлекаешься?

– Не все ли равно? Я многогранен и мультиталантен.

– И еще от скромности не умрешь.

– Нет, конечно, – покладисто кивнул Костин. – Мне и на этом свете неплохо.

– Да уж... А скажи. Я вот тут игрушку посмотрела – так, по диагонали. Она, я так понимаю, ваша, русская?

- Вроде бы да, а что?

- Нет, ничего... Просто я в ней не увидела ни одного героя с черным цветом кожи.

- И что? В России негров почти нет, это логично. В наших играх они практически не встречаются. Разве что в стрелялках, в качестве мишеней, и то редко.

- Помнится, - хихикнула девушка, - у нас... В смысле не у нас, а... у одной европейской страны такое пренебрежение к правам цветных вызвало кучу исков из Альянса. Пришлось срочно добавлять, иначе затаскали бы по судам.

- Да у нас, я слышал, подобное тоже как-то случилось. Наши ответили - да, пожалуйста. Оплатите - сделаем. Даже трейлер на скорую руку склепали. Кстати, он у меня даже есть.

Лейтенант встал, и от Каталины не укрылось, что движется он с некоторым усилием - устал, вахта в гипере выматывает страшно, она это по себе знала, а он еще и после нее сколько времени на ногах. Костин, между тем, провел рукой по экрану, выбил по нему какую-то замысловатую дробь, и действительно включил трейлер. Короткий, секунд на пятнадцать, не более. Только и удалось рассмотреть, как здоровенный космодесантник в драной тельняшке со вкусом разрывает пасть испуганно вытаращившемуся негру. Лицо девушки вытянулось:

- У нас бы за такое живьем сожрали.

- А у нас - нет, - безразлично отозвался Костин. - А так как платить негры почему-то не захотели и сдулись, то на том дело и кончилось. Тем более, решения иностранных судов для нас роли не играют.

- Да, не зря вас обвиняют в полном отсутствии толерантности, - фыркнула Каталина.

- Это ты зря. Например, на стрельбище у нас есть мишени белого, желтого и черного цветов. А недавно инструктор приволок гей-мишени. Весьма, кстати, реалистично выполненные.

Девушка хихикнула в кулачок, как показалось, чуть нервно, и, неожиданно для себя, зевнула. Костин развел руками.

- Ладно, хорошо упрекать меня в отсутствии уважения к чужим ценностям. Лезь к себе, сейчас тебя всерьез рубить начнет.

- Хорошо, - Каталина встала, от чего коротковатый халат продемонстрировал идеальной стройности ноги, и ловко запрыгнула к себе, но уже через секунду свесила голову и спросила:

- А когда придет ответ?

- Через восемь часов тридцать одну минуту. Как раз хватит немного передохнуть. Кстати, перед глазами не плывет?

- Нет. А что, должно?

- Ну, я ж тебе лекарство вколол, боялся переборщить с дозой. Иначе ты б в истерику впала, женщина все же.

- Шовинист, - смешок, как отметил Костин, вышел довольно нервным.

- Какой уж есть. Кстати, тогда встречный вопрос. Почему ты тогда, в первый раз, заговорила со мной по-английски? Вроде цивилизованный человек, русский знаешь...

- А я не сообразила сразу, что ты русский. Это потом уже надписи увидела. Насчет же того, кто более цивилизован... А сам-то ты кроме английского, другие языки знаешь?

- Знаю, конечно. Но испанского в списке нет. Просто нет смысла забивать голову языком, на котором говорят государства второго-третьего ряда. Надо будет - пройду курс мнимообучения, но, как показывает практика, большинство образованных, да и просто грамотных людей на любой планете владеет русским. Так что не обижайся, но твой язык не стоит затраченных усилий. Хотя... смотря как его использовать.

– Пошляк, – после короткой паузы, которая потребовалась Каталине, чтобы осознать смысл фразы, ответила девушка. И покраснела.

– Я, вообще-то, про еду. А ты о чем подумала.

– Тоже, – мужественно соврала девушка и покраснела еще сильнее.

– Ну-ну...

Спустя несколько минут, когда девушка уже тихонько посапывала, Костин встал, посмотрел на нее. Красивая... И что ее занесло в космос? Э-эх, старлей, подвесил ты себе на шею проблему. Впрочем, вариантов все равно не оставалось, теперь будем надеяться, что удастся ее быстро сбегать. Хотя, положив руку на сердце, в такую возможность он не верил.

То же место, девять часов спустя

Сигнал об окончании расшифровки пришел как раз во время завтрака. Увы, один из недостатков пакетной связи – большие затраты времени, потребные для приведения ее в читабельный вид. Зато поесть успели. Ну, почти. Костин уже допивал кофе, а Каталина с мрачным лицом ковырялась в яичнице. Не потому, что та была плоха, все же испортить это блюдо крайне сложно. Просто закончилось, наконец, действие лекарства, вызванная им эйфория ушла, и события последних дней, включая гибель корабля и сослуживцев, лавиной обрушились на мозг девушки, придавив его избытком негативных эмоций. Хорошо еще, истерику не закатила, до слез не дошло. Здоровая психика, пройдет, надо ее только отвлечь.

Аккуратно вытерев пальцы салфеткой, чтобы не пачкать экран, лейтенант извлек тактический планшет. Каталина презрительно скривилась – все правильно, европейцы не пользуются сенсорными экранами уже давно, предпочитая виртуальные. Их дело, их право, о вкусах, что называется, не спорят. В Империи тоже попадались любители вирта, но большинство, к которому и относился лейтенант, по-прежнему оставались верны оборудованию, которое можно подержать в руках. Легкое, едва заметное касание – и вот по экрану уже бегут строчки приказа. Ну что же, ожидаемо. Костин положил планшет и встал:

- Ты доедай пока, а я в рубке, если что.

- Что там?

- Курс буду прокладывать. Надо продолжать операцию.

- То есть?

- Провести разведку, - терпеливо, как маленькой, пояснил командир «Стилета». - Выяснить, кто устроил здесь тарарам, какими силами обладает, ну и далее по пунктам... А дальше наши отцы-командиры решат, что делать, то ли флот сюда высылать, то ли плечами пожать да отвернуться. Я бы выбрал второй вариант, но тут уже не моя компетенция. Может, вашей информацией передадут. Или продадут...

- В смысле продадут?

- В прямом. За деньги, ответные услуги или еще за что.

- Да вы что, с ума посходили?

- Почему? - Костин искренне удивился. - Мы гоняли сюда корабль, который, кстати, планировалось отправить совсем в другое место. Так что там пришлось затыкать дыру, изворачиваться... Проводили определенные действия, амортизацию оборудования тоже никто не отменял. Я, в конце концов, шкурой рискую. Все честно, информация стоит денег.

- Моя информация!

- Не только. Но даже если твоя, что с того, она бы так и лежала в капсуле мертвым грузом, а мы приспособили ее к делу. И вообще, ее кот наплакал, основной массив добывать буду сейчас я. Ваши на моем месте поступили бы точно так же, - Костин говорил совершенно спокойно, даже чуть отстраненно. - Никто никому помогать в данном случае не обязан, то или иное действие, в конечном итоге, вопрос дальнейшей выгоды, и только. Будь это наша планета - тогда да, а так...

– Ну, ты и сволочь!

– Знаешь, а кто другой и по лицу бы схлопотал, – задумчиво ответил лейтенант. – Но ты женщина...

– Шовинист!

– Возможно. Но ты не дала мне договорить, а это невежливо. Так вот, ты женщина, а женщин быть некомильфо.

– И только? – кажется, несмотря на застилающую глаза злость ее все-таки удалось заинтересовать, чего Костин, собственно, и добивался.

– Не только. Понимаешь, в общении с тобой я делаю поправку, что ты в связи с молодостью и отсутствием жизненного опыта, а также общей ущербностью европейского образования, можешь меня и не бояться, – пожал плечами лейтенант.

Каталина зло сверкнула глазами:

– А что, должна?

– Да нет, этого ни в одном законе не прописано, – «успокоил» ее Костин. – Тут дело в другом. Просто-напросто у людей постарше осторожное отношение к нам уже на уровне инстинктов. А у кого не на уровне и кто за языком не следит, потом иной раз удивляются, что к ним прилетает что-то тяжелое и взрывающееся. Не привыкли мы обид прощать, понимаешь... Впрочем, я человек широких взглядов, поэтому на тебя не в обиде. Бурчи, что хочешь. Просто помни, что это ты на борту моего корабля, и я вытащил твое хладное тело из шлюпки, а не наоборот. И еще. Ваши сюда, за тобой, так и не прилетели.

Когда он ушел в рубку, Каталина так и сидела, положив на стол сжатые в кулаки руки, молча и зло сверля глазами переборку. Ну что же, он этого и добивался, переключив внимание девушки на себя, как на центр всех проблем и главную обиду. Это позволит ей не впасть в депрессию окончательно, включить мозги, ведь когда проблема персонифицируется, вдобавок приобретая материальную форму и ярко выраженную точку фокуса, с ней уже можно начинать бороться. А

бороться – это значит, в данном случае, искать и прокачивать варианты, а не превращаться в обиженный на судьбу овощ. Самому, конечно, будет труднее, но как-нибудь перетерпит, в конце концов, это ненадолго, зато психику девчонке спасет лучше любой медицины. Проверено.

До Малой Севильи рейдер полз больше десяти часов. Можно было бы, конечно, и быстрее, причем в разы, но Костин предпочитал выиграть в безопасности. Толчок двигателями, полет по инерции, снова толчок – разогнаться и подкорректировать курс... Движущийся в таком режиме корабль сложнее засечь, особенно если не знаешь, что именно, где и когда пытаешься обнаружить. Системы маскировки рейдера, конечно, хороши, но подстраховаться таким вот дедовским методом тоже не помешает.

Космос был поразительно пустынен. Не в том смысле, что там ничего не было – как и везде, попадались мелкие метеоры, радары «Стилета» фиксировали их исправно, пару раз на пределе дальности мелькнули корабли. Но вот молчание здесь стояло, что называется, гробовое. Обычно чем ближе к планете – тем больше всевозможных сигналов.

Переговариваются между собой корабли, лаются с пилотами диспетчеры, да и сама планета отнюдь не молчит, исправно транслируя в космос обрывки передач, предназначенных, что называется, для внутреннего пользования. Здесь же всего этого не было, система молчала, будто умерла или затаилась от испуга, и это кому-то с более тонкой душевной организацией наверняка действовало бы на нервы. Впрочем, на малых рейдерах ходили, как любят говорить янки, «крутые парни со стальными яйцами», так что Костин лишь зафиксировал ситуацию и не стал тратить на нее эмоции. Смысла не видел, все равно изменить что-либо он был пока не в силах.

«Стилет» уже выходил на дистанцию, с которой мог начать сканирование околопланетного пространства системами дальнего обнаружения, когда дверь рубки с легким, почти неслышным шелестом отъехала в сторону. Не оборачиваясь, лейтенант приказал:

– Выйди.

– Но...

– Выйди, я сказал.

Дверь закрылась, но девушка осталась внутри, ее отражение было прекрасно видно на полированном металле пульта. Костин вздохнул, развернулся вместе с креслом:

– Слушай, тебя что, дисциплине не учили?

– Я просто хотела...

– Извиниться? Или поругаться? Слушай, я все понимаю, но давай не сейчас, ладно? Здесь просто нет места для второго человека. Если мне придется резко маневрировать, тебя размажет по переборке.

Каталина промолчала, но с места не сдвинулась, только подбородок выпятила. Упорная... Знал же, что будут с ней проблемы. Впрочем, ее тоже можно понять, сидеть одной и мучиться воспоминаниями пополам с неизвестностью тяжело. Костин вздохнул, щелкнул пальцем по клавиатуре, и из почти незаметной ниши в стене с лязгом откинулось приставное сиденье. Обычно им пользовались техники, если надо было проверить отладку систем. Пилот ведет корабль, а техник сидит со своей аппаратурой и тестирует. На памяти лейтенанта, пользовались этим неудобным сиденьем всего однажды, но вот, пригодилось.

– Сядь. И пристегнись.

Села, пристегнулась, ну надо же, какими мы можем быть дисциплинированными, если захотим. Впрочем, Костин тут же перестал обращать на нее внимание, сосредоточившись на маневре. Простейшем, кстати, обычном торможении, но провести его надо было крайне аккуратно, чтобы случайно не выдать своего присутствия. Не так-то это и легко, но он, разумеется, справился.

Через несколько минут после того, как рейдер завис в пространстве, данные начали поступать широким и мутным потоком. Сейчас развернувший все свои многочисленные антенны корабль вновь напоминал нечто футуристическое, что, впрочем, и неудивительно. Создатели рейдера уделяли мало внимания дизайну, зато много – функциональности, постаравшись вместить в ограниченный объем максимум аппаратуры. И это им, кстати, вполне удалось, хотя аскетизмом своим корабль был обязан, в том числе, и желанию инженеров запихнуть еще хоть

парочку приборов. Ужали внутреннее пространство до предела, чего уж там, зато возможности корабля работать по прямому назначению довели едва не до совершенства.

Глядя на экран, Костин лишь присвистнул. Такого, как сейчас, он не видел уже давно. На орбите планеты толпилось под две сотни кораблей разных классов, в основном классифицированные как транспортные, но попадались и боевые. Опять же, в основном от корвета до эсминца, но имелась и парочка древних, как дерьмо мамонта, крейсеров европейского производства и даже авианосец, построенный, судя по обводам, лет сто назад. Как он еще не развалился-то... Ну и, конечно, часть кораблей классифицировать не удалось, что неудивительно – модернизации, особенно кустарно исполненные, меняют внешний вид до неузнаваемости.

Костин местным диспетчерам даже посочувствовал, а заодно восхитился их классом. Управлять такой оравой, особенно когда корабли различаются не только массогабаритными характеристиками, но и маневренностью так, что их рядом ставить опасно, да при этом не допустить ни одной аварии – это надо ухитриться. Особенно когда то здесь, то там шныряют истребители, боты и прочая на такой дистанции в принципе не классифицируемая мелочь. Конечно, нельзя сказать, что на орбите корабли располагались борт к борту, все же космос велик, и творения рук человеческих по сравнению с ним меньше, чем ничто. Если глядеть отстраненно, пространства хватало вроде бы на всех, но и скорости здесь совсем не атмосферные. Один раз зазеваешься – и все, мало не покажется. Сомнет, как пустую жестянку.

– Узнаешь что-нибудь?

Каталина прикинула к экрану. Обиды обидами, а все же она была офицером, причем Костину в звании уступала совсем ненамного. Всмотрелась, неуверенно пожала плечами:

– Кажется, это корвет типа «Сильвер», а это...

– Тип я уже определил. Ты скажи мне, какие из них участвовали в атаке на ваш крейсер.

На сей раз, она всматривалась чуть дольше, после чего вполне уверенно указала несколько корветов и фрегатов, а также пару неклассифицированных целей. В принципе, Костин это и так знал, записи-то видел, но все же лучше проверить информацию из нескольких хотя бы относительно независимых источников.

Ну что же, кем бы ни были собравшиеся вокруг планеты, трусами их явно не назовешь. Атаковать на своем летающем антиквариате вполне современный крейсер – это требует как минимум немалого мужества. Учтем. Впрочем, лучше вовсе с ними не связываться. В конце концов, «Стилет» – разведчик, а не ударный корабль, он и оружия-то несет самый минимум. На миг лейтенант пожалел, что командует не торпедоносцем, способным в считанные минуты устроить здесь треш и ад, но тут же себя одернул. Это не его война, он лишь наблюдатель, приказ адмирала трактуется однозначно. И это правильно, главное, да и, откровенно говоря, единственное настоящее оружие малого рейдера – скрытность, остальное уже детали.

Следующие сутки они так и висели в пространстве, деликатно собирая информацию. Не то чтобы ее было очень много, прослушать переговоры вероятного противника так и не удалось – то ли там использовали закрытые каналы связи, недоступные с такой дистанции аппаратуре «Стилета», то ли просто молчали. Правда, как в этом случае они ухитряются управлять своим флотом, так и осталось неясным. Фактически единственное, что удалось, это уточнить состав группировки и определить, что подкрепления к планете время от времени прибывают. За сутки аж два конвоя, правда, небольших, каждый в сопровождении нескольких корветов и фрегатов. И – а вот это уже интереснее – эти кораблики были новенькие, недавно сошедшие со стапелей.

Да уж, вопрос только, с каких стапелей. С первого взгляда можно понять, что и те, и другие, клоны современных европейских кораблей. Похожи, но что копии – все равно ясно, имеются определенные различия, опытному глазу сразу заметные. И в базе данных «Стилета» информации по ним не имелось, что наводило на определенные размышления. Впрочем, размышлять в данном случае предстояло не Костину, его задача передать собранную информацию, аналитикой пускай занимаются специалисты.

Еще через сутки. Борт рейдера «Стилет». Граница системы

– Ты ведешь неправильный образ жизни.

– Ой, только не надо мне завидовать, – с этими словами Костин взял тонкий ломтик хлебушка, с чувством намазал его маслом и плюхнул сверху толстый слой деликатесного паштета из печени александровской псевдоптицы. Вкуснейшая вещь, кстати, и дорогушная, но он со склада перед отлетом взял целый ящик, из зубов интендантских, можно сказать, вырвал. – И не говори, что не хочешь.

Каталина незаметно (ну, это она так думала) вздохнула. Хочет, по глазам видно, но упрямо гнет свою линию. В пику ему, Костину. Оттаяла, отошла немного от пережитого, но, как лейтенант и предполагал, центром раздражения стала теперь его коренастая фигура. Ну и пускай ее. Не шипит, не молчит, в себе не замыкается – и то хлеб. Не самый плохой характер, адаптируется к обстановке легко, так что будем надеяться, выйдет из этой истории с минимальными потерями для организма.

– У нас принято здоровое, правильное и сбалансированное питание, – гордо заявила девушка и демонстративно захрустела листом консервированного салата.

– Угу, угу. Я помню, как ты в первый день мясо наворачивала, – «согласился» Костин.

– Тогда я была не в себе.

– Да бога ради, я что, против? Мне больше достанется, – усмехнулся лейтенант, глядя, как шевельнулись произвольно ноздри сотрапезницы. Еще бы, балык из калуги[З - Дальневосточная рыба семейства осетровых.], пошедший на следующий бутерброд, пах одуряюще вкусно. – Только имей в виду, у нас не слишком доверяют вегетарианцам.

– Это еще почему?

– Да так, на всякий случай, по старой памяти.

– То есть?

– Ну, Гитлер был вегетарианцем. Получается, отсутствие мяса в пище может толкнуть даже неглупого человека на нехорошие идеи.

Костин откровенно посмеивался, но девушка, к русскому юмору непривычная, этого не понимала и вспыхнула моментально. Она вообще на удивление легко краснела.

– Я не вегетарианка.

– А я тебя ни в чем и не обвиняю. Но то, что ты отказываешься...

– Я. Не. Вегетарианка.

– Докажи, – с трудом сдерживая готовый вырваться наружу смех, лейтенант обвел рукой стол. А было на нем много чего. – Вам приготовить, девушка, али сами?

– А вот приготовь.

– Да и пожалуйста.

Спустя минуту Каталина со смесью оторопи и обреченности разглядывала гигантский бутерброд, составленный из десятка слоев разносортных деликатесов. Потом вздохнула, на сей раз в открытую, подняла жалобные глаза, но, убедившись, что толстокожего Костина этим не проймешь, решительно вгрызлась в шедевр мужского кулинарного творчества. Ну и ладно, хотя бы не будет ночью, когда думает, что никто ее не видит, тишком к холодильнику бегать.

Надо сказать, на этот раз он перестарался. Доедала его творение девушка уже отдуваясь – великоват, а бросить жалко, вряд ли такой набор вкусов ей приходилось часто не то что есть – видеть. Все же в Европейской Ассоциации военные, это Костин знал точно, элитой общества не считались и особо высоким жалованьем похвастаться не могли. Сколько у них стоит такой бутерброд, оставалось лишь гадать, но, как предполагал лейтенант, сделать его можно не во всяком ресторане. Ингредиентов не хватит, во всяком случае, в тех заведениях, куда могло заносить Каталину.

- Ну что, повторим?

- Не влезет...

А голос-то, голос-то сожалеющий. Ну, будем считать, одна точка воздействия найдена, вкусно поесть она точно любит.

- Как знаешь. И, если что, ночью к холодильнику иди открыто, не крадись - у тебя все равно громко получается.

Ай, молодца, как опять вспыхнула. Честно говоря, Костину даже понравилось слегка ее поддразнивать.

- И не думала даже.

- Ну, я твои мысли не читаю, так, на всякий случай предупреждаю. Женщина должна быть сытой и довольной, воздержание ей вредно во всех смыслах.

Ого! А он и не предполагал, что можно краснеть еще сильнее. И что он, спрашивается, такого сказал? То ли она в пуританском обществе росла, то ли просто моложе, чем кажется. А он, кстати, ее возрастом и не поинтересовался даже, решил, что ровесники...

- И что для этого надо, по-твоему, делать? - поинтересовалась Каталина, справившись в очередной (интересно, который уже) раз со смущением. Получалось это у нее так потешно, что Костин вновь не удержался:

- Удовлетворять. Опять же, во всех смыслах.

- Да ты псих!

- Вполне возможно, - Костин налил себе кофе и с удовольствием, маленькими глотками, принялся его потреблять, жмурясь, как сытый кот.

- То есть? - удивленно спросила Каталина.

– Ну, видишь ли, одиночные рейды всегда дают колоссальную нагрузку, и физическую, и психологическую. Так, во всяком случае, утверждают наши врачи, а эскулапы свое дело знают. Поэтому пилоты-одиночки, вроде меня, без крайней нужды отправляются в полет не больше чем на месяц. Ну, тут голая физиология. Извини за такие подробности, но слишком долго без бабы вредно, да и просто устаешь. Далее. Раз в год – обязательные два месяца реабилитации. Ну и перед каждым рейдом проверка. Но здесь ведь как получилось. У меня реабилитация должна начаться как раз после этого полета. А медосвидетельствование перед стартом я пройти банально не успел – отправлялся-то в спешке. Так что наличие определенных сдвигов я не исключаю. Еще вопросы?

– Э-э-э... Насчет женщин. А вас за это разве не наказывают?

– За что? – удивленно поднял брови Костин. – Я – человек, а не эпический герой средневековых баллад. Годами совершать подвиги в честь прекрасной дамы, зарабатывая при этом простатит, не собираюсь. Мне здоровье важнее. А вашим что, запрещено?

– Ну... да.

– Официально или нет?

– Нормами морали, – вскинулась Каталина, явно намеренная отстаивать постулаты о преимуществах европейского образа жизни.

– И как, помогает? – сочувственно спросил лейтенант. Девушка замялась, но потом все же честно ответила:

– Не очень.

– И ничего удивительного. Прости за цинизм, но солдат, если он хочет остаться здоровым физически и морально, должен есть, пить... иногда что-то покрепче кофе, спать, в том числе и с женщинами, получать нормальное медицинское обслуживание, быть уверенным в завтрашнем дне и еще кучу всего. А нормы морали у вас, как мне кажется, направлены больше на то, чтобы иметь крючок, за который случись нужда, можно зацепить любого. Цинично, но ты хотела мое мнение – и вот тебе оно.

Каталина, может быть, и возразила бы чего, но как раз в этот момент ее прервал сигнал о расшифровке нового и, можно не сомневаться, ценного указания командования. А лейтенант соответственно с некоторым даже облегчением (мало ли, куда он заведет) прервал разговор и изучил сей ценный документ. Ну что же, ожидаемо.

- Возвращаемся.

- В империю?

- Нет, к планете. Приказ выяснить, откуда идут конвои.

- А разве...

Ну да, сказала - и осеклась. Естественно, о том, куда ведет проложенная в гипере трасса, узнать сложно, но можно. Только она не подозревала, что на борту «Стилета» имеется соответствующая аппаратура. Испанская-то куда более громоздкая, ее и на эсминец не впихнуть.

- Можем, конечно. Но придется постараться.

Он и старался почти трое суток, успев засечь пять конвоев и исследовав три точки выхода из гипера. Увы, здесь время работало против разведчика, с его аппаратурой отследить курс в гиперпространстве можно было лишь в течение нескольких часов после выхода кораблей. Не успел - жди следующего шанса, след в гипере - слишком короткоживущая субстанция. Впрочем, и трех исследованных трасс было вполне достаточно. Оставалось передать информацию, и... и в этот момент их, наконец, обнаружили.

Как это произошло и в чем он допустил ошибку, Костин так и не понял, но когда радары засекли атакующие истребители, отреагировал мгновенно. Это его и спасло. Системы подавления «Стилета» без усилий нейтрализовали головки самонаведения выпущенных по кораблю ракет, но уклониться от одной из них он успел только в самый последний момент. Случайность, конечно, но их траектории пересекались, а с головкой или без эта дура врезала бы так, что мало не покажется.

Следующие несколько минут ему оставалось лишь благодарить ангела-хранителя за то, что внешние антенны находились в сложенном состоянии, иначе на каком-нибудь особо крутом вираже их сорвало бы ко всем чертям. «Стилет» вертелся, как уж на сковородке, уходя от атак, а обозленные первой неудачей «харрикейны» пытались зайти ему в хвост, стреляя из всего, что имели.

Удивительно, но мозг, словно отстранившись от происходящего, упорно анализировал действия противников, и очень скоро Костин понял – не все так страшно, как выглядит на первый взгляд. Шестерка истребителей, два полных звена, гарантировано валили одиночный рейдер походя, однако этого до сих пор не произошло. И причина была ясна. За штурвалами сидели не военные. Там были люди, умеющие летать, стрелять, и... и, в общем-то, все. Летать, стрелять – но не воевать. А потому шансы все же были.

Разворот, еще разворот, еще... Рейдер отработал тормозными двигателями, резко, на пределе возможного, сбрасывая ход. Простейший прием, но очередной охотник за чужими головами не успевает отреагировать и проскакивает вперед, аккуратно в прицел носовых орудий. Вспышка взрыва – и на месте, где только что находилась изящно-стремительная машина, остается лишь быстро рассеивающееся облако перетертого в пыль металла, но Костин не видит, ему не до того. Рывок двигателями враздрай, и неуклюжий на вид рейдер послушно разворачивается «на пятке», становясь лоб в лоб с остальными противниками. Трое отставших вспугнутыми птицами шарахаются прочь, еще один пытается развернуться, но – по правилам, написанным не для военных. Слишком медленно, слишком плавно, как раз чтобы словить ракету и разлететься по космосу огненными брызгами. Последний же и вовсе ничего не успевает, то ли впадая в панику, то ли банально не имея нужных рефлексов. Несется вперед, словно неуправляемый снаряд, и Костин бьет в него всем, чем может, чтобы просто избежать столкновения.

Зрелище вышло эффектное. Истребитель словно наткнулся на невидимую стену и, прежде чем машина взорвалась, Костин будто в замедленной съемке видел, как сминаются ажурные конструкции, разлетаются в стороны оторванные крылья, а корпус сплющивается в тонкий, словно бумага, лист. А потом вспышка, и некоторое время перед глазами плавают разноцветные круги, но это уже неважно. Уцелевшие противники удирают прочь, и по спектру выхлопа ясно, что двигатели работают на форсаже.

– Ур-роды, – хрипло выдохнул лейтенант, разворачивая корабль. Из угла рубки раздался согласный хрип – это уже Каталина, едва не размазанная перегрузками по переборке. Хорошо еще, пристегнута была. – Живая?

– Д-да, – прозвучало это как-то неуверенно.

– Вот и ладненько. Делаем ноги, да поскорее. А то вернутся с подмогой, и мало нам не покажется.

Сказано – сделано. Рейдер, словно почуявшая шпоры лошадь, рванул прочь от места боя, и Костин, включив автопилот, откинулся в кресле. Рубашка была мокрая насквозь, мерзко воняя потом, но снимать ее не было сил. Сзади все еще хриплым голосом обозначила свое присутствие Каталина:

– Кто это был?

– Не знаю. Но воевать они не умеют.

– А ты, как я вижу, умеешь, – прозвучало это довольно скептически. – Я думала, все, конец.

– Ты недалеко от истины. Для меня это тоже первый бой.

– Как так?

– Да просто. В рейдах я бывал не раз, но для кораблей вроде моего вступить в бой – это грубейшая ошибка. Будь противники поопытнее, нас размазали бы в блин.

– Я это и сама поняла, – судя по тону, ложь от первого до последнего слова. Показывает характер девочка – ну и пусть ее. – Что дальше?

– Уйдем как можно дальше и осмотримся, иных вариантов нет. А там... Там видно будет.

Пять часов спустя, осматривая корабль, лейтенант пришел к выводу, что вселенная явно появилась не просто так. Вначале было Слово. И, если судить по

результату, неприличное. Во всяком случае чем еще объяснить такое невезенье? «Стиллет» получил в бою четыре попадания, и при этом два, что называется, в яблочко. Антенна дальней связи – в клочья, в камере стабилизации гиперпривода – дыра в кулак величиной. Ни то, ни другое не ремонтируется в принципе, только менять, и делать это надо в доке. Рейдер, не получив повреждений, угрожающих собственно его существованию, онемел и охромел, разом потеряв возможность передачи информации командованию. Примерно это лейтенант и озвучил Каталине, с трудом удержавшись от пары сочных эпитетов.

Девушка промолчала. Угу, нет бы морально поддержать, что ли... Плюнув мысленно, Костин ушел под душ, смывать трудовой пот – ползать в неудобном скафандре по обшивке, накладывая заплатки на пробоины, удовольствие ниже среднего, и даже в невесомости труд тяжкий. Острые, будто иголки, струи воды смывали, растворяли усталость, и такой способ релаксации в походе был, пожалуй, одним из лучших. Вот только, увы, недолгим, да и размеры кабинки, в которой было невозможно повернуться, чего-нибудь не задев, изрядно смазывали впечатление.

Когда он, в окружении облака пара, выбрался наружу, его ждал обед. Ну надо же, впервые, пожалуй, с момента своего появления на борту корабля Каталина занялась хозяйством. Не так и плохо, кстати, занялась, хотя вкус блюд, на взгляд лейтенанта, был непривычным. Впрочем, его это не напрягало – за свою жизнь приходилось пробовать разную еду, в том числе и весьма экзотическую.

– Что планируешь делать дальше? – Каталина с трудом дождалась, когда он доест. Откровенно говоря, она пыталась пару раз заговорить, но Костин ее останавливал. Для разговора за едой, как учил его отец, требуется или настроение, или необходимость, иначе только испортишь вкус. Отец до сих пор оставался для лейтенанта авторитетом, если и не непререкаемым, то уж точно весомым, а раз так, стоило последовать совету. Тем более, настроения не было, да и острой необходимости тоже. От возможных преследователей они наверняка оторвались, и повода для спешки Костин не наблюдал.

– Ничего, – пожал он плечами и, видя удивленные глаза девушки, пояснил: – Пройдет время контрольного сеанса связи, потом резервное время, а потом сюда придет другой корабль.

– Скоро?

– Ну, сейчас посчитаем. Готовить его начнут сразу после того, как мы пропустим первый сеанс. Вероятнее всего, возьмут один из стоящих в оперативной готовности. На нашей базе сейчас таких три – два корвета и эсминец. Корветы не пошлют – информации, которую мы уже передали, достаточно, чтобы понять, они здесь бесполезны и чрезмерно уязвимы. Подошел бы фрегат, но сейчас их под рукой просто нет, а брать из основного состава – так это двое суток на подготовку, как минимум. Стало быть, эсминец. Ему сюда продираться дня три, не меньше. Стало быть, помощь появится в срок от семи до десяти дней. И не факт, что мы выйдем с ним на контакт сразу, скорее уж, наоборот. Все же он будет задействовать все системы маскировки. Так что ориентируйся на то, что тебе придется терпеть мое общество недели две примерно.

А мне потом чувствовать, что новые погоны я ношу не по праву, добавил он про себя. Медведь их не зажмет, разумеется, да и сделать мы успели не так уж мало, но себя-то не обманешь. Покалеченный корабль – ошибка капитана, и не одна. Вначале позволил себя обнаружить, потом не сразу разобрался, с какими противниками имел дело. В общем, паршиво.

Каталина думала, очевидно, так же, но по другой причине. Впрочем, ее мотивы были на поверхности. Две недели делить каюту с озабоченным мужиком (а она Костина наверняка считает именно таким, спасибо и его доморощенной «психотерапии», и европейской системе воспитания), в то время как на планете гибнут ее, Каталины, соотечественники.

Наверняка гибнут, поскольку, судя по поведению врага, Малая Севилья полностью под их контролем. Ни одна оккупация без жертв не обходится, это можно сказать точно, а значит, крови хватает. В такой ситуации начинаешь чувствовать определенный дискомфорт. Сам Костин чувствовал бы наверняка, а девчонка, как он уже успел определить, в этом плане мало от него отличалась. Это не вполне соответствовало его представлениям о том, как ведут себя европейские женщины, да и мужчины тоже. По мнению Костина, да и вообще большинства тех, кого он знал, вся нехитрая психология европейцев сводилась к простому «умри ты сегодня, а я завтра», но, возможно, ему встретилась не вполне типичная их представительница? Или, может, это его представление о них не соответствует истине? Равновероятно, пожалуй.

Две недели – это как раз тот минимум, который необходим человечеству в лице русского адмирала для того, чтобы разобраться в ситуации. Что будет потом, вообще неясно. Притом что на своих надежды мало – прошла уже куча времени,

но ни испанских, ни французских, ни каких-либо еще кораблей здесь так и не появилось. Выводы? А вот это будет интересно, какие выводы она сделает, что за идеи возникнут в этой очаровательной головке и как она попытается сподвигнуть сурового русского парня претворить их в жизнь. Так что Костин откинулся на спинку дивана и, полуприкрыв глаза, начал ожидать продолжения разговора.

А девушка молчала. Минуту, две, десять... Только барабанила пальцами по столу. Кого другого это бы раздражало, но Костину было все равно. Нервы слабые не у того, кто в задумчивости выбивает пальцами дробь, а у того, кого это выводит из себя. Те же, кто летает на малых рейдерах, люди априори спокойные, даже флегматичные, другим в одиночном полете слишком тяжело.

Каталина заговорила, когда лейтенант уже потерял надежду услышать что-то осмысленное и начал тихонько задремывать. То ли молчать надоело, то ли решила, что сделала уже достаточную паузу. А может, и впрямь только-только в голову мысль пришла, кто знает.

– Я знаю, как отправить сообщение.

– Вот как? Слушаю тебя внимателно.

– Что?

– Внимательно. Это я оговорился.

Каталина дернула щекой, но смолчала. Вместо этого встала, тронула рукой сенсор и зажгла над столом голографическую карту системы. С теми немногими системами, к которым у нее был здесь доступ, она уже освоилась и управлялась вполне уверенно. Легкими движениями пальцев покрутив карту, она наконец выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, ракурс и вновь коснулась клавиатуры, на сей раз куда аккуратнее. Зажглась крошечная голубая точка, замигала... Не так и далеко, кстати.

– Резервный флотский ретранслятор. Мы сможем к нему подключиться?

– Думаю, да. Если знаешь код, разумеется.

– Не знаю.

– Придется порыться в нашей базе данных. Или взломать, это дольше, – Костин задумался. – Штука наверняка секретная, а?

– Я – штурман, – сухо ответила девушка. – Имею доступ к картам любого местного уровня. Под подписку о неразглашении, конечно, но, думаю, на это сейчас можно наплевать и забыть.

– Понятно. А почему расположили так близко к центру системы?

– Не знаю, меня это не касалось. Это как-то меняет дело?

– Не то чтобы... Просто так у противника больше шансов нас обнаружить, а они ведь один раз уже как-то сделали это.

Они вновь замолчали. Костин потому, что уже принял решение, Каталина... Ну, она, скорее всего, думала, как убедить его. В конце концов, не факт, что русские вмешаются, но если это произойдет, то результат гарантирован. Малыми группами имперский флот обычно не работает, а значит, сюда придет ударная эскадра, и кем бы ни был враг, ему не поздоровится. Орудийные башни линкоров в два счета способны вбить в голову любого: с империей конфликтовать смертельно опасно. И шанс, что имперцы вмешаются, намного лучше, чем гарантированное невмешательство европейских государств. Она это понимала, а Костин понимал, что она понимает. Такой вот каламбур. А потом Каталина сказала:

– Прости. Мне нечего тебе дать, нечего пообещать, нечем убедить. Заставить... не хватит сил. Поступай, как знаешь...

Шесть часов спустя. Резервный стационарный ретранслятор испанского флота

Убить бы кого-нибудь, с тоской думал Костин, разглядывая бултыхающуюся в пустоте конструкцию. С особым цинизмом убить за такой вот авангардизм. Уроды...

Почему ретранслятор находился здесь, а не в паре световых часов дальше, он понял с первого взгляда. Тот, кто создавал эту конструкцию, старался совместить в одном флаконе цену и возможности. И, разумеется, не преуспел.

Ничего удивительного в этом, кстати, не было. Хорошие антенны дальней связи производились в Российской империи и в Альянсе. Янки были традиционно чуть сильнее в элементной базе, русские – в умении выжать максимум из имеющегося оборудования. Результаты выходили схожие, при аналогичных возможностях аппаратура Альянса была ненамного, процентов на десять – пятнадцать, компактнее, имперская – заметно дешевле. Все остальные, даже Британское Содружество, как правило, закупали аппаратуру у лидеров и тихо завидовали им.

Но, что вполне логично, грамотные военные хотят получать технику отечественного производства. Хотя бы потому, что в этом случае могут быть уверены – никто в нее без спроса не залезет и что не надо не подслушает. В эпоху высоких технологий весьма спорные постулаты, но, тем не менее, это хоть какой-то шанс. Неудивительно, что европейцы, тоже обладающие необходимыми технологиями, периодически пробовали делать антенны собственной конструкции. Выходило дорого и не очень надежно, хотя, конечно, работало, куда ж оно денется.

Те, кто создавал данный конкретный ретранслятор, выбрали для себя именно европейскую продукцию. Учитывая, что Испания – это все же Европа, логика в таком выборе имела. Но, так как руки, скажем, немецкого рабочего стоят очень немало, даже если он держит их в карманах, то и оборудование получалось чересчур дорогим. И чтобы вписаться в бюджет, требовалось искать модели подешевле, за счет характеристик, разумеется. Вот и получилось то, что получилось – конструкция, стоящая дороже аналогов из того же Альянса, и обладающая при этом весьма скромными возможностями. Если по-простому, ее разместили здесь, над плоскостью эклиптики, потому, что с более удаленной точки она до планеты попросту не добивала. Для резервной станции, может, и пойдет, но все равно Костину она категорически не нравилась.

Одно хорошо – взломать ее и впрямь оказалось довольно просто. Европейцы традиционно считали, что все, сделанное ими, самое-самое. Имперцы на это бахвальство лишь пожимали плечами и молча работали. Службы технической и электронной разведки у них были сильные, и неудивительно, что в базе данных «Стилета», в длиннющем списке паролей, нашелся и тот, что давал доступ к

местной аппаратуре связи. Час работы – и информация ушла. Теперь оставалось только ждать.

Отведя корабль от ретранслятора, Костин включил автопилот. Программа, заложенная в него, была сейчас проста и недвусмысленна – достичь крайней точки, в которой можно вести стабильный обмен данными, и лечь в дрейф. Чем дальше – тем меньше шансов, что их обнаружат, все просто. Космос велик, и найти в нем маленький... да хоть бы и большой корабль, не зная его траектории, намного сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена. Там хоть стог можно сжечь, здесь же и это недоступно. Космос лишь посмеется над потугами людей и в очередной раз прикроет шкатулку с тайнами.

– Ну, как? – Каталина заканчивала сервировать стол. Это, конечно, громко сказано, все же небьющиеся тарелки и алюминиевые вилки далеки от фарфора и серебра дорогих ресторанов, но и то хлеб. Когда она взяла на себя заботу о готовке и уборке, ненавидевшему возню на камбузе Костину жить стало заметно комфортнее.

– Порядок, – лейтенант плюхнулся на диван, потер слегка ноющие виски. – Пришлось малость повозиться, но тут больше нервов тратишь, чем сил. Дурацкая конструкция, дурацкая система... Вот чес-слово, если б нужда не заставила, близко бы не подлетел.

Каталина промолчала, хотя ее наверняка обидело такое пренебрежение к достижениям родной страны. А может, и нет – Костин не слишком разбирался в национальной психологии жителей соседних государств. Во всяком случае, недостаточно, чтобы уверенно оперировать столь тонкими материями, как эмоции, а на лице девушки не дрогнул ни один мускул. Владела она собой, когда надо, очень неплохо, а обида, если она даже была, явно не проходила по разряду смертельных.

Увы, пообедать им в этот раз было не суждено. Едва лейтенант вооружился ложкой, как истошно, на весь корабль, заголосила сирена, и следующее его воспоминание было, когда он сидел уже в рубке, наглухо пристегнутый к пилотскому креслу. Рефлексы сработали быстрее сознания, бывает. Впрочем, в тот момент он об этом не задумывался, потому что банально не было времени. За рейдер взялись, и на этот раз всерьез.

Кроме истребителей, на «Стилет» надвигалось два корабля покрупнее. Корветы, причем не такие уж и старые, тип «Киплинг», производства, опять же, Британского Содружества. В Содружестве, правда, этих кораблей не встретишь, но они и не списаны, находятся в консервации. Впрочем, это ни о чем не говорит, такие корветы массово строились на экспорт, дешевые и надежные кораблики пришлись по вкусу многим туземным царькам. Ходовые качества у них, разумеется, куда хуже, чем у имперского рейдера, зато огневой мощи, чтобы разделаться со «Стилетом», и одному хватит за глаза.

– Что там? – выдохнула в затылок лейтенанту Каталина. Ее здесь только не хватало. Костин с трудом сдержался, чтобы не послать девушку куда подальше, рыкнул только:

– Сядь и пристегнись! Не здесь, в каюте, на аварийном кресле. На этом стульчаке тебя размажет, – после чего уже привычно заложил маневр уклонения. Засекли противника вовремя, космос чистый, дистанция позволяет... Сейчас он их, пожалуй удивит.

Действия противника были просты, ясны и логичны. Пять звеньев истребителей – зауважали их, лестно даже – связывают рейдер боем, не давая уйти, а тем временем приближаются корветы и расстреливают незваных гостей с дальней дистанции. Противопоставить им у «Стилета» просто нечего. Вот только есть здесь одно допущение, а именно, что истребители все же быстроходнее малого рейдера. Оно, в принципе, так и есть, но не совсем, и это Костин сейчас решительно продемонстрировал. Вариант, выбранный им, был плох... вот только альтернатив не наблюдалось. Для того, чтобы справиться с рейдером, противнику за глаза хватило бы и истребителей.

Пять минут форсировки двигателей. За это время жаропрочное покрытие отражателей выгорает полностью, но ускорение рейдер при этом имеет запредельное. Буквально расплющенный, вдавленный в пилотское кресло, лейтенант смог еще мысленно хихикнуть, представив себе ошарашенные лица вражеских пилотов. Догнать «Стилет» они уже не смогут. Такой фокус проходит только с малыми рейдерами, энерговооруженность которых за счет излишне мощных реакторов крайне велика. Правда, двигатели после этого превращаются в металлолом, но тут уж не до жиру. Да и головы Костин не потерял, успев остановить двигатели до того, как сработали аварийные блокировки, а значит, сохранив какие-то остатки ресурса. Ничтожные остатки, но и то хлеб. Корабль сохранит ход, пускай частично, и не превратится в вылетевший из системы в

никуда практически неуправляемый обломок.

Несколько минут спустя, на полную мощность задействовав системы маскировки и подкорректировав курс, что разом многократно усложняло поиски корабля, Костин прошел в каюту, где обнаружил спутницу. Девушка ожидаемо потеряла сознание от перегрузок, но ничего более серьезного с ней вроде бы не произошло. Откровенно говоря, лейтенант за нее опасался, что для него, уроженца тяжелой планеты, неудобство, кого другого может и убить, однако сейчас был явно не тот случай. Каталина – девчонка крепкая, справится. И даже в себя она пришла без нашатыря. Впрочем, в диагност ее Костин все равно загнал, и тот вколол Каталине порцию чего-то общеукрепляющего, но в целом она легко отделалась и даже аппетит не потеряла, хотя готовить пришлось по новой, все оставленное на столе размазалось сейчас по переборке тонкими, неопрятными кляксами, которые предстояло еще оттирать. Костин с некоторым злорадством подумал, что столь почетную обязанность он возложит на пассажирку, но это будет потом. Сейчас же ему требовался отдых. Все же такие нагрузки не проходили бесследно ни для кого.

– Что с нами будет дальше? – спросила Каталина, когда они в полном, даже каком-то гробовом молчании закончили трапезу. Лейтенант приподнял упрямо слипающиеся веки, пожал плечами:

– Идем к Малой Севилье, другого нам не остается.

– Почему?

– Потому что находиться в космосе дальше бесполезно. Ретранслятор разрушен, это я успел зафиксировать. А если нас найдут, то уйти уже не получится. На планете же мы затеряемся, для посадки ресурса двигателей еще хватит. Там нас поймать будет куда сложнее, в кислородной атмосфере, на слабо населенной, имеющей развитую и съедобную флору-фауну планете держаться можно неограниченно долго. Глядишь, и варианты какие-нибудь подвернутся.

– Ты считаешь, найдут?

– Если находили два раза, найдут и в третий. Не знаю, правда, как. Для того, чтобы отследить наш корабль, требуется аппаратура достаточно высокого класса. Возможно, они засекли передачу... Нет, для этого необходимо

оборудование еще более серьезное. В любом случае, оно не соответствует затрапезному виду их кораблей. Кто-то играет с технологиями, на несколько поколений превосходящими эти несчастные корветы. Так что надо попытаться этот момент прояснить. Впрочем, если мы просто выживем, будет уже неплохо.

А еще, подумал он про себя, узнаем о том, что творится, изнутри. Эти сведения лишними не будут. Вряд ли удастся найти возможность отправить их по гиперсвязи, но рано или поздно сюда придут имперские корабли. Для них информация точно лишней не будет. Задание надо выполнить, пускай даже в таком, видоизмененном варианте. Жаль только, что его, лейтенанта Костина, разведывательным действиям на планете практически не учили, он космонавт, а не спецназовец. Но тебе, девочка, знать о том, что мы сознательно лезем в пасть дракону вместо того, чтобы отсидеться, не стоит. Мало ли что. Лучше думай, что у нас нет иного выхода.

Каталина открыла было рот, собираясь что-то возразить, но потом раздумала и лишь кивнула. Похоже, несмотря на свою эмансипированность, которую она время от времени демонстративно подчеркивала, девушка уже окончательно привыкла к мысли, что командует здесь не она. И вообще, что раз уж Костин вытаскивает ее из неприятностей раз за разом, то пусть и дальше этим занимается. Типично женский ход мыслей, лейтенант с трудом подавил улыбку. Эх, кто бы его сейчас вытащил...

Он посмотрел на часы. Если все рассчитано правильно, то по инерции лететь не так и долго, они хорошо разогнались. Впрочем, нет, ошибиться штурману и пилоту такого класса, как он, довольно сложно. А значит, подготовиться к высадке стоит уже сейчас. Костин вздохнул, зажег голографическую карту планеты:

- Так, теперь рассказывай все, что знаешь.

- В смысле?

- У меня мало информации, - терпеливо, как маленькой, объяснил девушке Костин. - Ваша планета на задворках цивилизованного мира, нам она до недавнего времени была абсолютно неинтересна. Соответственно, и данные по ней собирались постольку-поскольку. Сведения общего плана у меня есть, но не более того. А мне сейчас надо понять, где лучше высадиться. Ты, конечно, тоже

знаешь немного, но это лучше, чем ничего, так что начинай вспоминать, и как можно подробнее.

– Хорошо, сейчас, только... Тебе не кажется, что твое пребывание на планете будет не более законным, чем у этих...

Она замялась, подбирая слово, чтоб и приличное, и отражало ее отношение к тем, кто их уже дважды (а лично ее так и трижды) едва не угробил. Впрочем, Костин понял без слов.

– Чтобы побывать на любой из ваших планет, мне не требуется гостевая виза. Надо будет, зайду в канцелярию, получу оккупационную. Шутка. Не переживай так, это мои проблемы.

Девушка посмотрела на него, видимо, стараясь понять, где в его словах настоящая шутка, а где они честны и правдивы. Увы, задача оказалась для нее явно непосильной, а потому Каталина лишь вздохнула и начала рассказывать. Ну а Костин соответственно слушал, запоминал и делал пометки карандашом. Так, на всякий случай.

Через пять часов. Планета Малая Севилья

Рейдер вошел в атмосферу с ревом, от которого, казалось, готовы были лопнуть барабанные перепонки. Корабельная броня оказалась слабой защитой от этой напасти, что явилось для Костина неожиданностью. Впрочем, ему еще никогда не приходилось сажать корабль по такой вот самоубийственной на первый взгляд траектории.

Если верить голограммам, здесь сейчас должно было быть достаточно красиво. Из космоса планета выглядела нежно-зеленой, с пеной облаков, но на линии терминатора, по границе которой и скользил «Стилет», местное светило окрашивало ее миллионами радуг. Сюда бы туристов возить... Увы, Костин не мог любоваться на такое, безусловно, впечатляющее зрелище. Он сидел за штурвалом, управляя кораблем, а сам рейдер, окруженный плазменным облаком, больше всего напоминал сейчас огненный болид. Не видно было ничего, ни изнутри, ни снаружи, только сплошное ярко-оранжевое пламя. Сажать его приходилось по приборам, и утешали лейтенанта лишь два

обстоятельства: во-первых, был неплохой шанс, что их за болид и примут, а во-вторых, если он справится и останется жив, то местными восходами-закатами еще полюбуется, и притом совершенно бесплатно. Оставалось только сесть, что, с учетом окончательно сдохших двигателей, с одними только аэродинамическими рулями, выглядело задачей не для слабонервных.

Как ни странно, подобраться к планете незамеченными оказалось легко. Все же Малая Севилья была колонией отдаленной и, как следствие, отсталой. Изначально здесь не было полноценной системы наблюдения за дальним космосом. Позже, когда военные решили немного укрепить систему и прислали сюда «Конкистадор», эту проблему попытались решить, но, опять же, бюджетным путем. Разворачивать мощные радары на планете никто не стал. Зачем? Орбитальные платформы обходятся дешевле. Вот только когда рухнула оборона, навернулась и радарная сеть. Часть спутников была уничтожена атакующими, часть просто перестала функционировать, причем еще раньше. Центром управления спутниковой группировкой служил все тот же исполняющий обязанности орбитальной крепости звездолет, и после его уничтожения сеть распалась, перестав обмениваться данными с кем-либо. Пройдет не так много времени, может, буквально два-три дня, и у этих спутников появится новый хозяин, но пока что они были ничего не значащим металлоломом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!

2

Аналог сигнала SOS, принят во многих флотах мира.

3

Дальневосточная рыба семейства осетровых.

Купить: <https://tellnovel.com/mihail-miheev/iduschie-na-smert>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)